ВАРВАРА КОРСАРОВА
ИСКАТЕЛЬНИЦА
БЕД и ПРИКЛЮЧЕНИЙ
18+

Варвара Корсарова

Искательница бед и приключений

«Автор»
2026

Корсарова В.

Искательница бед и приключений / В. Корсарова — «Автор», 2026

Профессор Габриэль Иверс не только раскритиковал мою выпускную работу – он чуть не растоптал мое будущее. А я чуть не швырнула в профессора чернильницей прямо на экзамене.Спустя несколько лет этот необузданный ученый и известный грубиян вновь врывается в мою жизнь.Из-за него я вынуждена отправиться в страну песков и кладов, чтобы отыскать путь к таинственному городу Бронзовых Монстров. Впереди – опасности, лабиринты, древние тайны и неведомые враги.И ненавистный Габриэль Иверс – мой напарник по приключениям!

© Корсарова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ларец старьевщика 5
Глава 2. Охота за картой шарлатана 13
Глава 3. Легендарные враги 25
Глава 4. Дурные предзнаменования 32
Глава 5. Ловушка в трюме 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Искательница бед и приключений

Глава 1. Ларец старьевщика

– Этот сундук битком набит тайнами! В каюте пиратского капитана он пересек семь морей. Украшал дворцы шейхов, переходил из рук в руки на восточных базарах и томился, забытый, в куче хлама на чердаке старого дома. Где я его и нашел, и теперь охотно уступлю вам со всем содержимым – и с огромной скидкой, как постоянному покупателю.

Закончив монолог, Шульц вытер клетчатым платком лысину и выпятил грудь, словно ожидая аплодисментов.

Я даже не улыбнулась, поскольку прекрасно изучила ужимки старого пройдохи. Старьевщик всегда разливался соловьем, когда хотел всучить покупателю бесполезное барахло.

Стоящий на прилавке ларец никак не мог претендовать на романтическое звание сундука с сокровищами. Больше он походил на ящик для сигар, что продаются в любой табачной лавке.

Пережил ларец и впрямь немало. Деревянные стенки рассохлись, лак облез, угол погрызли крысы, одной медной накладки не хватало.

– И что же внутри этого облезлого раритета? – Я презрительно постучала костяшками по крышке ящика.

– Посмотрите сами! – Шульц возбужденно потер пухлые ладони. – Бесценные документы, мечта исследователя загадок древности!

Старьевщик говорил так артистично, что даже меня пробрало волнение.

Умеет пройдоха задеть за живое!

В лавке Шульца любого охватывал азарт. Потому что старьевщик продавал вещи необычные, с историей, а находил их на чердаках и подвалах заброшенных домов.

На полках магазинчика «Подержанные чудеса Шульца» красовались шахматы, вырезанные из костей доисторических животных, поющие песочные часы, книги-капканы и тысячи других бесполезных, но удивительных артефактов.

Покупать вещи у Шульца – все равно что играть в лотерею. Можно получить ценный приз, а можно профукать деньги на ерунду. Чаще случалось второе.

Тем не менее недостатка в клиентах Шульц не испытывал. Перед закрытием торговый зал уже опустел, но снаружи у витрины то и дело задерживались любопытные прохожие.

– Ну же, госпожа Грез, посмотрите, что внутри! – поторопил меня Шульц. – Я же вижу, вас снедает любопытство.

Я откинула крышку ящика, чихнула от пыли и констатировала:

– Старые бумаги. И это ваше сокровище, Шульц? Оно годится лишь на растопку камина.

Ларец до самой крышки был набит мятыми пожелтевшими листами, некоторые с пятнами плесени.

– Как знать, что в них заключено. Они могут пролить свет на загадки истории, – возразил Шульц.

– Они проливают свет на загадку чьей-то унылой жизни, – отрезала я, бегло просматривая документы. – Вот квитанция за аренду десятилетней давности. Счет из трактира – за два шницеля и пять бутылок пива. Расписка о выплате карточного долга. Пфф! Мусор, господин Шульц, и ничего больше.

Шульц пожал плечами и горько вздохнул.

И тут мои пальцы нащупали край плотного бумажного листа. Он вкусно хрустнул, когда я его развернула, и оказался покрыт рисунками и строчками убористого текста.

Карта! Да еще с красным крестом посередине. Каким, как известно, отмечают спрятанный клад. Либо место, где можно удобно выкопать отхожую яму.

Но привлекла меня вовсе не загадочная пометка, а заголовок: «Северные территории Афара. Но-Амон. Ущелье Карадонг и тропа Скелетов».

Знакомые места, очень знакомые… Век бы их не видать.

На миг перед глазами всплыл образ отца – хмельного, возбужденного, в пробковом шлеме, с вещевым мешком за плечами. Кожу словно опалило жарким ветром, уши наполнил гул кровососов, а на языке возник затхлый вкус воды из походной фляжки. Звуки и запахи моего детства, о котором я ни капли не скучала. Но все же в сердце что-то на миг сжалось.

Сжалось и тут же отпустило.

Хорошенько рассмотреть карту я не успела.

На двери звякнул колокольчик, и через миг крупная волосатая рука ухватила за край листа.

Сердитый баритон прогремел:

– Эта вещь моя. Я ее покупаю. Шульц, вы обещали мне все, что найдете в особняке Лилля! Извольте сдержать слово.

Голос был отвратительно знакомым. Я подняла голову и уставилась в светло-серые глаза человека, которому я когда-то мечтала хорошенько врезать в челюсть.

Магистр Габриэль Иверс!

Впрочем, теперь уже доктор Иверс, профессор археоведения и альтер-исторических наук. Талантливый ученый, путешественник, спортсмен. Грубиян, задира и мерзавец! Человек, который несколько лет назад выставил меня на посмешище.

Я не злопамятная, но все же для доктора Иверса в моем сердце припасен особый уголок, наполненный самыми недобрыми чувствами.

Иверс держался так высокомерно, что в первый миг я заробела, вновь почувствовав себя туповатой студенткой. Но тут же опомнилась, развела плечи и выпрямилась.

Ну уж нет, профессор, Академию я давным-давно закончила – вопреки вам. Теперь вы не имеете надо мной власти. Вы мой конкурент, и сейчас я вам задам трепку!

Пусть сокровище Шульца мне и даром не сдалось, но Иверс его не получит.

– Позвольте, доктор Иверс! – воскликнул Шульц. – Вы не явились в назначенный срок, и я имел полное право предложить вещь другому покупателю.

– Вот именно, Иверс, – сказала я ядовито. – Кто успел, тот и съел. Руки прочь!

С этими словами я шлепнула профессора по запястью, вырвала карту и сунула Шульцу десять кронодоров – в два раза больше, чем рассчитывала заплатить за ларец.

– Я его забираю. Упаковывать не нужно.

Иверс гневно сверкнул глазами, прищурился… и тут его осенило.

– Вы – Джемма Грез. Как же, помню! Ваша дипломная работа до сих пор снится мне в кошмарах.

Я вспыхнула от негодования. Габриэль Иверс мало изменился.

Увы, он не растолстел и не облысел. Фигура по-прежнему атлетичная, в густой темно-каштановой шевелюре ни одного седого волоса. Лицо стало еще жестче, он отпустил остроконечную бородку. А характер как был мерзким, так и остался.

Надо же, профессор помнит мое имя! Какая честь.

– Не буду лгать и говорить, что рада встрече, доктор Иверс.

– Голубушка, зачем вам эта карта? – Иверс злобно прищурился. – Собрались заворачивать в нее ветчину? В жизни не поверю, что вы заделались настоящим исследователем.

– Теперь я личная помощница Абеле Молинаро и отвечаю за пополнение его коллекции, – отрезала я не без гордости. – Поэтому ящик и карту вы не получите. Я за них уже заплатила. А вы можете приобрести… ну хотя бы это, – я злорадно показала на облезлое чучело медведя, чья шкура за годы прокормила не одно поколение моли.

Иверс оскалился. Любо-дорого посмотреть, как он побелел от бешенства.

– Я заплачу вдвое больше.

– Лучше заплатите учителю хороших манер, пусть даст вам пару уроков.

Гордая последней репликой, я сунула ящик в холщовую сумку и с достоинством двинулась к выходу.

Шульц раздосадованно щелкнул языком. Он упустил выгодную сделку, ведь Иверс мог предложить больше! Но у старьевщика не хватило духу встать у меня на пути.

А вот профессор сделал движение, как будто хотел схватить меня за локоть.

Вовремя вспомнилось, что в прошлом месяце Иверс задал взбучку репортеру, который проник в его дом обманом, чтобы взять интервью. Репортер после разговора лишился клыка и получил фонарь под глаз, а Иверс провел ночь в участке.

Поэтому я плюнула на холодное достоинство и как ошпаренная выскочила за дверь. Драка с уважаемым ученым в мои планы не входила.

Напоследок услышала забористое ругательство, в ответ на которое Шульц заголосил:

– Доктор Иверс, постойте! Не надо скандалов в моем заведении… Пусть себе идет барышня! У меня для вас есть кое-что другое! Не менее интересное! Только посмотрите!

Шульцу удалось задержать Иверса, потому что из лавки никто не показался. Но я опасливо поглядывала за плечо, пока не свернула в переулок.

От человека с бешеным темпераментом Иверса всего можно ожидать. Лучше поскорей убраться подобру-поздорову.

Огни фонарей, грохот трамваев, кряканье клаксонов и выкрики продавцов газет остались позади.

Дома в переулок выходили глухой стеной, сумерки стремительно опускались. Под ногами то и дело попадались выбоины, поэтому пришлось умерить шаг.

Из подвального окна выскочила черная кошка и перебежала дорогу, вытянув хвост палкой. Зловеще сверкнули зеленые глаза.

Я споткнулась и прошептала защитное заклинание на афарском – оно осталось в памяти от бабушки, и его повторял мой отец, когда принимался за очередной раскоп.

И тут же рассердилась на себя. Теперь я образованная столичная жительница, а не суеверная бродяжка.

Мысли вернулись в настоящее. Хотелось бы знать, почему Иверс заинтересовался ветхим документом. Это карта Но-Амона, северной провинции Афара, а значит – сто против одного – карта древнего захоронения. Хоть мой отец, черный копатель, давно бросил нелегальный промысел, он был бы рад заполучить ее.

Впрочем – наверняка подделка. Посмотрим, что скажет о карте мой шеф.

Я так погрузилась в раздумья, что не сразу заметила, как из щели между складами вынырнула троица подозрительных типов. Они были одеты в черные ношеные пальто, небритые морды прятали под надвинутыми на лоб картузами.

– Эй, барышня! Тпру. Постой, – сутулый мужик со сломанным носом шагнул наперерез.

– Куда идешь одна, такая хорошенькая, да без кавалера? – вступил в беседу второй, косоглазый верзила.

– Ну-ка, покажи, что несешь в котомке! – не стал любезничать третий, чью гнусную физиономию украшали усы, переходящие в бачки.

Надо сказать, я опешила. Переулок был безлюдный, но все же в центре города, и шантрапа сюда обычно не заходила, чтобы очистить карманы беспечного прохожего.

Грабеж среди бела дня? Ладно, пусть среди темного вечера, но все же дело неслыханное в этом квартале.

Желудок стянуло тошнотным страхом, потому что парни не шутили. Они окружили меня, смотрели недобро, а усатый достал из-за пазухи короткую дубинку и выразительно ей поигрывал.

Неспроста, ох, неспроста встретила я черную кошку, а до того – профессора Иверса! Обе встречи предвещали беду.

Однако сдаваться без боя я не собиралась.

***

Косоглазый рванул сумку из моих рук, но удерживать я ее не стала; с силой толкнула от себя, метя в живот противнику.

Острый угол ящика попал куда надо, косоглазый охнул, выпустил сумку и согнулся, хватая ртом воздух.

Я пнула его в голень и завопила:

– Пожар! Полиция! Грабят!

Усатый надвинулся и замахнулся дубинкой, я попятилась, но спину царапнули кирпичи – меня приперли к стене.

Бандит тяжко дышал, смердя кислым духом анисового табака.

Чтобы не получить свинцовым набалдашником в лоб, я выставила сумку с ящиком в попытке отвести удар. Прекрасно понимая, что уловка если и спасет, то ненадолго. В голове пронеслась бабушкина присказка:

«О Гумари, смотритель Небесного Маяка, покровитель пропащих, помоги!»

У богов бывает странное чувство юмора. Помощь они послали, откуда я вовсе не ждала. И в лице кого!

Сбоку на усатого налетел здоровяк в длинном пальто. Он сшиб его с ног с силой разогнавшегося локомотива, и оба кубарем покатились по мостовой. Мелькнуло перекошенное от ярости скуластое лицо с остроконечной бородкой.

От удивления даже страх прошел, а руки сами собой опустились.

Явление доктора Иверса в роли спасителя поразило меня до глубины души. Мне бы радоваться, но я досадливо выругалась.

Тем временем остальные бандиты присоединились к потасовке. Иверс поднялся на ноги и лихо махал кулаками, отбиваясь сразу от троих. Справлялся неплохо, но уже пару раз пропустил удар, его бородка окрасилась кровью. Дубинку свою усатый потерял, она откатилась к стене, где я и подняла ее без спешки.

А чего спешить? Иверс, как известно, неплохой боксер-любитель. Вот и пусть попрактикуется. Вздуют его – невелика беда, пару синяков он заслужил.

Однако не дело улепетывать и оставлять профессора на растерзание шантрапе. Наука не переживет такой потери.

Я вновь закричала во все легкие:

– Полиция! Пожар!

После чего забарабанила дубинкой по железным воротам склада. Загрохотало так, что и в центральном полицейском участке наверняка услышали.

– Шухер, братва! – просвистел змеиный шепот, застучали ботинки, и шантрапа растворилась в сумерках. Иверс привалился к стене и сплюнул.

Я отбросила дубинку, прислушалась: полиция прибыть не торопилась. Переулок как был безлюдным, так и остался.

– Уходим, пока они не вернулись! – Очухавшийся Иверс схватил меня за руку и потащил на Мистерикум-страда. – Шевелите ногами, Грез! И не забудьте ящик. Он не пострадал?

– Не командуйте, сударь, вы не у себя на кафедре! – рявкнула я, но ходу прибавила, потому что предложение было разумным.

– Дайте мне ящик, я понесу! – потребовал Иверс.

– Черта с два! – Я крепче прижала сумку к груди.

Мы выскочили на Мистерикум-страда. Народу здесь было немного, но все же редкие прохожие лучше, чем никого, и полицейская будка за углом имеется.

Я удовлетворенно хмыкнула, разглядев Иверса в свете фонаря. Ему расквасили нос и губу, его щегольское пальто лишилось пуговиц, но серьезно профессор не пострадал и язвительности не утратил.

– Во что вы впутались, Грез? – грубо спросил он. – Не поделили что-то с земляками? Один из тех был афарцем, судя по татуировкам.

– Я афарка лишь наполовину, и с подобными типами компании не вожу, – огрызнулась я. – А вас что занесло в тот переулок? Следили за мной? Хотели сами меня ограбить?

– Ваш язык стал еще ядовитее за эти годы, Грез, – спокойно ответил Иверс, прикладывая к разбитой губе платок. – Вы были единственной студенткой в моей карьере, кто превратил защиту диплома в нападение на членов комиссии.

– Некоторые члены комиссии это заслужили.

– Отнюдь. Я лишь честно дал оценку вашей жалкой работе.

– Но в каких выражениях!

– Вы в выражениях тоже не стеснялись.

– Я всего-то попросила вас не переходить на личности. Это вы начали повышать градус дискуссии. Назвали меня «пустоголовой недоучкой, возомнившей себя историком»! Знаете, до сих пор жалею, что не швырнула в вас чернильницей.

– И это ваша благодарность, Грез, за то, что я спас вас от бандитов?

Он остановился, скомкал платок и запульнул его в урну, а потом сжал кулаки и гневно засопел.

– Спасали вы не меня, а вот это. – Я многозначительно покачала сумкой. – Что вас заинтересовало в старом ящике, доктор Иверс? Неужто карта? Решили, что она и впрямь приведет вас к сокровищу? Такие карты продают туристам на базарах Но-Амона по дюжине за медяк. Не думала, что вы принадлежите к числу наивных авантюристов.

Гремя, подъехал трамвай; из открытых дверей посыпались пассажиры. Но я заходить не спешила – ждала ответа.

– Вы понятия не имеете, Грез, что я ищу. Отдайте мне карту. Вам и вашему патрону она ни к чему, поверьте.

– Не отдам. Она моя. Не ваше дело, что я с ней сделаю. Может, и впрямь буду заворачивать в нее ветчину. Или сыр!

С этими словами я запрыгнула на подножку трамвая в момент, когда кондуктор дал звонок, а двери с лязгом сдвинулись.

Они захлопнулись перед физиономией Иверса, чуть не оттяпав ему длинный нос. Трамвай весело покатил, а профессор остался изрыгать проклятия на краю тротуара.

– Грез, я не прощаюсь! – проревел он трамваю вслед. – Теперь я знаю, что вы работаете на Абеле Молинаро. Ждите в гости! Я получу эту карту, не будь я Габриэль Иверс!

Я едва удержалась, чтобы не показать ему в окошко кукиш.

***

Трамвай завернул за угол, я заняла свободное место на скамейке, прислонилась лбом к холодному стеклу и перевела дух.

Столица – место беспокойное. Считай, мне повезло, поскольку я впервые наткнулась на грабителей за восемь лет, что здесь живу. Хотя негодяев другого сорта успела повстречать немало – взять того же Иверса.

В Сен-Лютерну я приехала из Афара. До моего рождения отец колесил по свету в поисках удачи, в конце концов осел в Но-Амоне, северной провинции страны песков и древностей.

В Но-Амоне он нашел себе занятие по вкусу – потрошить старые захоронения. Никакой тебе ответственности, а покупатели на черепки и амулеты всегда найдутся. Разрешения на раскопки он не получал. Власти называют таких, как мой отец, «черными копателями» и крепко не любят.

Моя мать была из местных, он увез ее из глухой деревушки и поселил в Хефате – шумном городе, белом от солнца и пыли, полном бродячих кошек, зазывал и туристов. Мать устроилась билетершей в музей, отец продолжал рыскать по пустыням, ущельям и развалинам.

Мне повезло родиться с редким Даром искателя и хронолога, и потому с малолетства я стала помогать отцу в его не очень-то славном ремесле.

Я безошибочно указывала развалины, где отец мог разжиться ценными вещицами. Благодаря моему Дару он порой находил серебряные бусины и украшения, а однажды добыл золотой браслет эпохи царицы Нубис. Отец продал его коллекционеру и поделился со мной выручкой.

Но как же я ненавидела эти походы! На каникулах, как всякому ребенку, мне хотелось играть со школьными друзьями на пристани или проводить время в деревне у бабушки, в глинобитной хижине на берегу каменистой речушки.

Вместо этого приходилось таскать тяжелые рюкзаки, ставить палатки, собирать сухой навоз для костра, отгонять гнус. Расчищать камни, сортировать черепки и даже избавлять мумии от заскорузлых обмоток. Дело нехитрое, но противное – все равно что засохший апельсин чистить. Вы не представляете, какие мерзкие насекомые живут в могильниках!

В восемнадцать лет я сбежала из дома.

Афаром я была сыта по горло. Мне надоела жизнь бродяги. Кроме того, я умудрилась заиметь навязчивого поклонника среди местных контрабандистов: он преследовал меня и сделал мою жизнь невыносимой. С Муллимом шутки плохи, а я еще и обвела его вокруг пальца, и Муллим жаждал расквитаться.

Итак, я сунула в чемодан одежду, сбережения, оставила родителям записку и села на пароход до Сен-Лютерны.

План побега был тщательно продуман. Школьное образование я получила неплохое и разжилась рекомендацией директора музея, где служила мать. Что вкупе с Даром хронолога и помогло поступить в столичную академию. Для приезжей молодежи в тот год выделили бесплатные места на факультете музееведения.

Мне было неважно, какое образование получить, – лишь бы закрепиться в столице. Возвращаться после выпуска в Афар я не собиралась.

Так я отучилась на архивиста. Буду честной – учеба на первом месте не стояла. Ведь приходилось еще и работать, на жалкую стипендию в столице не прожить.

Предметы давались легко, с курса на курс я переводилась без затруднений. Выручали упорство и бойкий язык. А что делать? Чужестранке, да еще полукровке, иначе нельзя. Первые годы в столице мне пришлось несладко.

Впервые я увидела легендарного магистра Иверса, когда училась на третьем курсе. Иверс уже тогда был знаменитостью и пользовался репутацией необузданного типа.

Его называли восходящей звездой на научном небосклоне, он завершил несколько удачных экспедиций, сделал пару крупных открытий и выдвинул десяток смелых гипотез. При этом магистр был несдержан на язык, авторитеты ни в грош не ставил, аспирантов гонял в хвост и в гриву.

Занятий он у нас не вел, я лишь посетила пару его открытых лекций. Стыдно вспомнить, но я восторгалась Иверсом!

Доклады он читал артистично, его низкий голос звучал магнетически, а идеи он выдвигал такие, что дух захватывало.

При этом Иверс не утруждался быть любезным. На лекциях отпускал колкие шутки, а услышав пустой вопрос, без обиняков давал понять, что лучше бы вопрошающий держал язык за зубами, чем показывать миру свою глупость.

А уж как он разделывался с дубовыми учеными лбами, которые осмеливались критиковать его только потому, что идеи Иверса не находили места в их замшелой системе мира!

Мне Иверс представился эдаким бунтарем. Студенты любят подобные личности – пока сами не станут мишенью грубияна.

На защиту выпускной работы я шла со спокойным сердцем. Мне предложили место в аспирантуре на кафедре древностей. Не за выдающиеся успехи, а потому, что я владела редкими наречиями, а младшему сотруднику платить придется меньше, чем переводчику.

Но меня все устраивало. Через год я рассчитывала устроиться в городской музей Зильбера. Сотрудники музея процветали благодаря меценату Мидасу Зильберу, богачу и любителю-археологу. Мне обещали должность архивиста, если я получу хоть какой-то опыт.

Итак, в своем будущем я была уверена.

Но, когда вошла в аудиторию, где проходила защита, и заметила в комиссии магистра Иверса, почуяла неладное.

До сих пор не знаю, кто его пригласил и зачем. Может, ректор решил показать, что выпускные экзамены – серьезное испытание. Может, решил отсеять непригодных выпускников, а я попала Иверсу под горячую руку.

Выслушав доклад с пренебрежительной ухмылкой, магистр принялся атаковать меня вопросами. Все с подвохом, все с уничижительными комментариями.

Первые полчаса я держалась. Отвечала вежливо, хоть и скрипела зубами.

Потом начала сбиваться, путаться. Иверс был безжалостен. Он играл со мной, как кот с мышью. Разнес мою работу в пух и прах.

Когда после моих неудачных ответов в аудитории начали открыто хохотать, гнев застил глаза багровой пеленой. Холодный взгляд Иверса и его язвительный тон приводили в бешенство.

Ладно, пусть моя работа и не была оригинальной, но подобного отношения не заслуживала. Поведение магистра было возмутительным!

Детонатором стала заключительная речь Иверса, где и прозвучали те слова: «пустоголовая недоучка, возомнившая себя историком». А еще: «плохо замаскированный плагиат», «выдумки вместо фактов» и «не работа, а куча словесного навоза».

Вот тогда-то меня и сорвало. В благодарственной речи я высказала магистру все, что о нем думала.

Слово за слово, и мы сцепились с Иверсом в ядовитой перепалке.

Позднее я сгорала от стыда. Несмотря на южный темперамент, я человек сдержанный, не люблю обижать людей, даже когда со мной поступают несправедливо.

Но в тот момент… О, я чувствовала не только злость и обиду. Я ликовала, когда ставила Иверса на место!

Я расплачивалась с ним за все. За презрительные взгляды сокурсников, когда они узнавали, что я афарка. За чванливую снисходительность столичных жителей, за то, что меня считали вторым сортом, за грубости и прозвища.

Все это я видела в холодных глазах Иверса и слышала в его голосе.

Когда я только начала ему возражать, магистр удивился и даже улыбнулся с предвкушением. Его позабавило, что кто-то осмелился дать ему отпор его же оружием. Но потом он втоптал мое самолюбие в грязь, как боевой слон!

И да, в пиковый момент моя рука сама потянулась к тяжелой чернильнице. Научный руководитель успел убрать ее, а то полетела бы она в голову Иверсу.

Надо сказать, некоторые члены комиссии посматривали на меня одобрительно. Потому что Иверс давно напрашивался на подобное.

Скандал замяли.

Меня вывели из аудитории, напоили водой, строго пожурили.

Работу мою после разгромной оценки Иверса засчитать не могли. Пришлось задержаться в Академии еще на полгода и дополнительно заплатить за право повторной защиты – на которой я получила жалкие три балла. После чего кафедра вежливо дала мне от ворот поворот. Путь в аспирантуру оказался закрыт. Музей не захотел иметь со мной дела.

Я обрушила на голову Иверса самые страшные проклятия моей бабушки! Сработай они, у магистра вылезли бы все волосы, зубы раскрошились, зато отросли бы копыта и ослиный хвост.

Но, судя по всему, у древних проклятий истек срок годности. Иверс благоденствовал, стал профессором и членом-корреспондентом, находился в отличной физической форме и всячески преуспевал. Время от времени я встречала его имя в журнальных статьях и знала о его успехах.

Мне все же повезло. Два года назад в поисках работы я встретила Абеле Молинаро, бывшего владельца крупной антикварной фирмы. Именно ему мой отец некогда продал тот золотой браслет эпохи царицы Нубис.

Абеле давно отошел от дел, передав управление фирмой племяннику, но продолжал пополнять частную коллекцию и вести обширную переписку. Ему требовался ассистент с проживанием, и он предложил эту должность мне.

Платил он немного, зато дал мне интересную работу, крышу над головой и относился ко мне почти по-родственному. Да еще пообещал пристроить в музей Зильбера, когда в моих услугах отпадет нужда.

Последнее время я жила неплохо… но сегодня встретила профессора Габриэля Иверса. И, боюсь, скоро встречу его вновь.

Чего он так вцепился в эту карту? Неужели это не фальшивка, а ценный документ? И что же ищет Иверс? Слава и богатство у него уже есть.

Старый ларец определенно хранил некую тайну. Я не я буду, если не разберусь, что к чему.

Глава 2. Охота за картой шарлатана

Я вошла в прихожую особняка Абеле Молинаро и чуть не растянулась на коврике, споткнувшись о Ганимеда. Хозяйский кот находил место для лежанки с таким расчетом, чтобы причинить хозяевам и гостям как можно больше неудобств.

– Скотина ты разэтакая! – выругалась я, села на корточки и почесала подставленное мохнатое пузо.

Из гостиной выглянула горничная, белокурая кокетка Эми.

– Господин Молинаро дома? – спросила я.

– Еще не прибыли, – просюсюкала та. – Изволят задержаться.

– Он будет с минуты на минуту. Приготовь чай, будь любезна.

Эми убежала в кухню, а я отпихнула кота и потащила добытый у Шульца ларец в кабинет.

Когда переступила порог, невольно поежилась. В последние месяцы кабинет моего патрона превратился в самое неуютное место в доме. И все благодаря новому увлечению Абеле Молинаро.

Он взялся собирать артефакты погребальной культуры, и теперь повсюду в кабинете висят посмертные маски, на полках шкафов стоят урны с прахом, а рядом с сервантом громоздится вертикальный саркофаг, похожий на страшного голема.

Саркофаг в точности повторяет очертания своего обитателя – древнего царя амиритян. Грубо выполненная фигура пялится на посетителей выпученными белыми глазами, а к пузу прижимает увенчанный черепом скипетр.

Абеле любит приводить в кабинет неприятных ему гостей. Увидев обстановку, надолго они не задерживаются.

Я заканчивала раскладывать бумаги на столе, когда по лестнице бодро протопали ботинки, дверь распахнулась, и в кабинет, мурлыкая песенку, влетел мой патрон.

– Джемма, Джемма! Трудолюбивая пчелка! Вся в трудах, вся в хлопотах! Какую богатую добычу ты притащила сегодня в наш улей?

– Добыча небогатая, но любопытная, учитывая связанные с ней обстоятельства. – Я приняла у Абеле Молинаро трость, придвинула ему кресло и указала на бумаги.

– Может, после чая? – попробовал тот увильнуть.

– После чая вас разморит или вы пожелаете поехать в варьете, а вы мне нужны срочно и со свежей головой.

Абеле Молинаро – своеобразный работодатель. Он знатно покуролесил в молодости и до сих пор считает, что возраст не помеха веселью.

Ростом он не вышел, зато взял живостью. Мордочкой Абеле похож на зубастого лиса, седину закрашивает черной краской, одевается по последней моде – носит остроносые штиблеты, костюмы в полоску и яркие галстуки. Водит компанию с разношерстной публикой, и его частенько видят в обществе артисток варьете.

Однако в свое время он сумел сколотить обширную империю «Раритеты Молинаро», включающую в себя аукционные дома, галереи, антикварные салоны.

Теперь-то он отошел от дел, но никак не угомонится. То и дело пускается в сомнительные авантюры, но руководствуясь практическим расчетом.

– Сплошной мусор, – констатировал Абеле, перебрав бумаги. – В топку его!

– А это? – Я сунула карту ему под нос.

Абеле лишь отмахнулся.

– Чушь. Я бы сказал, что карту нарисовал мальчишка, бредящий приключениями. Смотри, ну что за названия! Тропа Скелетов. Лабиринт Проклятых. Город Бронзовых Монстров! За сто верст отдает бульварным романом.

– Однако часть подписей этот мальчишка сделал на малоизвестном афарском наречии.

– Не убедила. У мальчишки был словарь под рукой, богатая фантазия и уйма свободного времени.

– Карту рвался заполучить профессор Иверс.

Как я и рассчитывала, признание задело Абеле за живое.

– Иверс? Этот буйный тип с научной степенью и широкими связями?

У моего патрона глаза полезли на лоб.

Я коротко рассказала о встрече в лавке Шульца и о том, как чуть не лишилась и ларца, и карты.

– Говорил тебе, не броди одна по закоулкам! – бросил патрон в сердцах. – Но на черта эта бумаженция Иверсу, хотел бы я знать?!

Абеле побарабанил пальцами по столу.

– Ларец из особняка Лилля?

– Так сказал Шульц. А кто такой Лилль?

– Одиссей Лилль – этнограф-шарлатан. Утверждал, что афарские легенды о забытом городе и жрецах-автоматонах – сущая правда. Лилль давно сгинул без вести, его дом простоял десять лет пустым, прежде чем вдова Лилля продала мебель старьевщикам. Ну вот, все и объяснилось. Карта, несомненно, плод его бреда. Иверс подхватил ту же горячку. Хотя подобного от него не ожидал. Голова у Иверса хоть и буйная, но ясная. Смотри, Джемма – на обороте карты еще много чего написано. Ты прочитала?

– Не успела. Я плохо владею этим наречием, понадобится время, чтобы перевести.

– Попробуй. Как знать… – небрежно бросил Абеле, но я уже поняла, что он попался на крючок. Любая загадка для него была как морковка для осла.

– Попроси Озию помочь.

Я поморщилась, потому что не хотела уступать право первооткрывателя. К тому же молодого аспиранта я втайне считала конкурентом за внимание патрона. Озия Турс, дипломированный историк-реставратор, набирался в фирме Абеле опыта, а на деле служил у него кем-то вроде секретаря и фотографа. В жизни не встречала более унылого типа.

– Сама справлюсь.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Абеле и предупредил: – Чай пить не буду. Еду в варьете.

Он сладострастно улыбнулся и похлопал меня по плечу.

– А ты обнови каталог, ответь на письма и изучи эту писанину подробнее. Хотя, на мой взгляд, пустая трата времени! Но раз тебе так хочется, переведи надписи.

Абеле хихикнул.

– Надеюсь, они не содержат жуткого проклятья, которое настигнет нас ночью в постелях.

И как накаркал! Потому что ночью случилось нечто неожиданное. Не говоря уже о последующих днях и ночах, когда события и вовсе понеслись бешеным галопом.

***

Я до полуночи корпела над переводом и, когда закончила, признала, что Абеле прав.

Подделка, розыгрыш, глупая шутка – только не серьезный документ.

Пометки на обороте карты указывали путь к мифическому городу Бронзовых Монстров, в котором располагался некий «Храм Странника». Автор карты утверждал, что всякого, кто осмелится войти в храм, встретят неслыханные опасности и ловушки.

Но коли путник дойдет до конца, не потеряв голову, узнает то, что изменит судьбы мира. Ну и получит возможность поживиться, куда ж без этого.

Путь к святилищу этнограф описал подробно. Все промежуточные пункты носили странные названия, как то: «Перевал Кровавая Плаха», «Пещера Забвения», «Мост Костяного Дракона» и прочие страшилки.

Тут-то я и заподозрила, что читаю заметки начинающего писателя к приключенческому роману.

Потому что я, выросшая в Афаре и исходившая Но-Амон вдоль и поперек, сроду подобных названий не слыхала.

Хотя мелькали на карте и знакомые места – Ущелье Карадонг, то есть «Черная пасть». Богами проклятая дыра, куда даже мой отец не совался. Сплошные камни, расселины и голые скалы.

Наши предки не разбивали там поселений, не возводили храмов и не устраивали захоронений. А значит, нечего в том месте делать охотнику за древностями. Все, что он найдет, – окаменевшие кости первобытных ящеров. Сбыть их труднее, а сопутствующие расходы выше; не стоит овчинка выделки.

Я спрятала документ в папку, папку сунула в ящик стола. Напоследок смахнула пыль с саркофага, задернула шторы, погасила свет и отправилась в свою комнату.

Спать хотелось дико, но я мысленно продолжала перепалку с доктором Иверсом, изобретала для него красочные эпитеты и злые прозвища. Причем воображаемый спор не имел иной цели, кроме как унизить и раздразнить оппонента.

В конце концов я так возбудилась, что проснулась окончательно.

Когда городские часы пробили два, хлопнула входная дверь. Спотыкаясь и бормоча, Абеле прокрался по коридору в спальню. По его неуверенным шагам стало ясно, что патрон явился навеселе и завтра будет жаловаться на головную боль.

Когда пробило три, я встала, сунула ноги в домашние туфли, прихватила теплую шаль и побрела в кабинет. Чем тратить ночные часы впустую, лучше еще раз изучу карту с лупой. Что-то в ней все же не давало мне покоя...

Понятно, что – горячее желание Иверса заполучить ее!

Я открыла дверь кабинета и нахмурилась – на столе горела керосиновая лампа. Кто-то в доме проявил беспечность и получит от меня выговор.

И откуда взялся беспорядок? Ящики выдвинуты, бумаги лежат на столе и даже на полу!

А затем горло и грудь опалила страшная жажда, какую испытывает изможденный путник в пустыне. Или пьяница, когда чувствует аромат вожделенного шнапса!

Так проявляет себя мой Дар искателя. Порой он вспыхивает спонтанно и тянет меня к предмету, который был укрыт намеренно, или с которым связана некая незаконченная история.

Я сосредоточилась, и наступила вторая фаза – прорезалось эфирное зрение. Вокруг саркофага царя амиритян загорелся красный ореол.

В первый момент я не знала, что и думать. Раньше саркофаг подобных штук не выкидывал. Абеле утверждал, что внутри до сих пор хранилась мумия царя, но я подозревала, что патрон шутит.

Может, Абеле ночью заходил в кабинет и спрятал что-то в саркофаге? Но зачем? У него имеется надежный сейф, а на каменном гробу даже замка нет.

Крышка открывалась, как дверца шкафа. Поколебавшись, я уцепилась за край и потянула. Петли скрипнули, а я заорала и отпрыгнула назад.

Нет, я бы не испугалась мумии. Даже ожившей. Но внутри саркофага скорчился живой человек!

Мужчина распрямился, и на меня уставилась гнусная физиономия, замотанная до переносицы шарфом.

Грабитель! Он залез в кабинет, устроил беспорядок и спрятался в саркофаге, когда услышал мои шаги. Но как проник в дом? Повсюду установлена охранная сигнализация – ведь особняк Абеле напичкан произведениями искусства!

Мысли пронеслись пулеметной очередью, пока я стояла столбом и таращилась на незваного гостя.

Грабитель сжимал в руке какой-то документ. Ту самую карту из лавки Шульца! Вот что пробудило мой Дар.

Зарычав, грабитель прыгнул.

За миг до столкновения я узнала нападавшего. Правая бровь рассечена, из-под шарфа торчат лохматые бачки, и сильно несет анисовым табаком…

Один из тех типов из переулка, любитель размахивать дубинкой!

Пока я стояла в ступоре, мои руки решили действовать самостоятельно.

Одним взмахом они развернули шаль и набросили ее на голову вора, да еще умудрились затянуть концы, а потом резко толкнули его в грудь. Тут и голос прорезался, и я уже привычно завопила:

– Грабят! Полиция!

От толчка вор потерял равновесие. Он слепо закружился по кабинету, задел плечом шкаф с погребальными урнами, и самая ценная – фарфоровая, эпохи Цинь! – обрушилась на темечко грабителю, осыпав его осколками и прахом.

Мужик жалобно заскулил, схватился за голову, но еще сильнее запутался в шали. Скулеж сменился бешеным ревом, и грабитель ринулся напролом.

А поскольку ничего не видел, ноги привели его к окну. Он с размаху врезался башкой в стекло, осколки полетели во все стороны, а грабитель, неуклюже перекувыркнувшись через подоконник, вывалился наружу.

Звук раздался такой, как будто сбросили мешок с навозом.

Я ринулась к окну, но увидела лишь хромающий, шустро улепетывающий силуэт. Миг – грабитель перемахнул через забор палисадника и был таков.

Шаль осталась укрывать кусты роз.

Воздух потряс возмущенный вопль.

Я обернулась: Абеле Молинаро, в полосатой пижаме и ночном колпаке, прыгал в дверях и размахивал руками.

– Фто флучилось? – зашамкал он, и тут я поняла, что его прекрасные белые зубы были вставной челюстью, и на ночь он ее вынул.

– Грабеж.

Я быстро описала события. Голос все еще дрожал, и в ногах чувствовалась слабость.

– Бандит прихватил карту! – вспомнила я и в досаде стукнула себя кулаком по бедру.

С горестным воплем Абеле кинулся собирать рассыпанные по ковру документы и через миг возликовал:

– Да фот фе она!

Он победно показал мне смятый лист. Потом осекся, полез в карман пижамы, вытащил футляр со вставной челюстью и стыдливо сунул ее в рот, пару раз клацнув зубами для надежности.

– Должно быть, бандит выронил карту, пока метался по комнате. – Я с облегчением выдохнула, уселась в кресло и потянула к себе телефон.

– Нужно вызвать полицию.

В трубке стояла тишина. Я несколько раз сердито ударила по рычагу, а Абеле поднял с пола обрезанный провод.

– Дело рук воришки, несомненно, – рассуждал он. – С сигнализацией он тоже справился. Весьма ловкий молодой человек! Должно быть, проследил за тобой, Джемма, и знал, где ты живешь.

– А как он выяснил расположение комнат? Как нашел кабинет, где вы храните документы?

– Может, повезло... Но кто его подослал? Иверс?

– Они с Иверсом расквасили друг другу носы, – напомнила я.

– Могли махать кулаками для отвода глаз. С тобой сыграли спектакль «дама в беде и благородный рыцарь».

– Это Иверс-то благородный?! Я бы не купилась на подобный трюк. Иверс не мог рассчитывать, что я отблагодарю его за спасение, уступив карту. Да и вышел он из лавки позже, не успел бы подготовить засаду. Он же не знал, что мы встретимся, и я перехвачу его сделку! Никто не знал. Грабители охотились за чем-то другим.

– Не думаю. Их послали именно за картой. Пока вы спорили с Иверсом в лавке, они могли подслушать или подсмотреть в окно, сделать выводы и устроить засаду.

Я припомнила мелькнувший за стеклом витрины силуэт и признала справедливость догадки.

Да, подслушать могли. И могли следить, обогнать переулками и подкараулить.

– Эта карта кого-то сильно интересует, и я хочу знать, почему, – задумчиво сказал Абеле. – Ты перевела текст на обороте?

– Давайте отложим обсуждение до завтра, – отмахнулась я раздраженно. – Лучше схожу за полицейским, потому что нельзя спокойно спать в доме после ограбления.

– Заплати постовому, пусть подежурит у дверей до утра, а там я что-нибудь придумаю, – велел Абеле и протяжно зевнул.

***

За завтраком патрон пребывал в меланхоличном настроении. Он мучился с похмелья, горевал об утрате ценной урны и жаловался, что стекольщик, которого позвали устранить следы налета, придет только к вечеру.

Оживился Абеле лишь после того, как я рассказала ему, что прочитала на обороте карты.

– Описание маршрута к неизвестному захоронению? – Он в волнении намазал печенье горчицей вместо меда. – Джемма, это же сенсация! Если мы получим разрешение на исследование, сможем забрать лучшие находки. Поскольку я регулярно отчисляю пожертвования в местные музеи, мне не откажут.

– Не к захоронению, а к святилищу, – Я отодвинула баночку с горчицей подальше от Абеле. – Которого не существует. Он проходит через ущелье Карадонг, а оно ведет в никуда. В скалистый массив, наверху – нагромождения камней, сущий кошмар географа. Называется плато Праха и Пепла. Автор же карты на месте скал нарисовал пунктир со стрелочкой и дюжину несуществующих ориентиров.

– Плато Праха, – задумчиво кивнул Абеле. – Непроходимое, малоизученное. Размерами оно как три наших королевства. Кто знает, что найдет там упорный исследователь!

– Останки более упорных исследователей.

– Фу, какая ты пессимистка!

– Я реалистка, потому что жила в Афаре. Вы забыли главное: откуда Одиссей Лилль взял эту карту? Полагаю, он ее автор, поскольку вместо подписи стоят инициалы О. Л. Если, как вы говорите, Лилль был шарлатаном, логично предположить, что и карта его – чистой воды выдумка.

– Бывает, что и шарлатаны говорят правду, но им не верят, а потом горько жалеют. Думаю, если кто и сможет пролить свет на сей загадочный документ, так это доктор Иверс.

В прихожей прозвенел длинный требовательный звонок, и чей-то кулак пару раз сердито бухнул в дверь.

– А вот и сам доктор Иверс, легок на помине, – сказала я досадливо. – Сто против одного – это он явился. Узнаю его очаровательную манеру заявлять о себе.

– Эми, впусти посетителя! – крикнул Абеле горничной и лукаво мне подмигнул. – Послушаем, что имеет нам сказать многоуважаемый профессор.

Я выпрямилась и стиснула зубы. Сердце заколотилось, но я взяла себя в руки.

Спокойствие и невозмутимость! Они – мое главное оружие. Мне нет дела до Иверса. Он просто назойливый гость.

В дверях возник Иверс, и я все же вздрогнула.

Его глаза сверкали, как ртуть, ноздри раздувались, борода воинственно торчала вперед, и вид у него был как у боксера перед схваткой.

Хотя редко увидишь боксера, одетого в столь элегантный костюм-тройку. Иверс производил сильное впечатление. Даже свежий синяк на скуле не портил, а лишь подчеркивал образ неистового ученого. Который готов сражаться за науку не только пером и карандашом, но и кулаками.

– Чем обязан раннему визиту, доктор Иверс? – промурлыкал Абеле, откидываясь на спинку кресла и сцепляя руки на животе.

– Доброе утро, господин Молинаро. Госпожа… Грез. – Мою фамилию Иверс выплюнул с некоторым усилием, а я лишь мило улыбнулась и принялась увлеченно мазать хлеб маслом.

– Меня привело к вам важное дело.

– Вот это? – Молинаро игриво пошуршал картой, и Иверс мигом встал в стойку.

– Вы уже в курсе. Значит, можно не тратить лишних слов.

Профессор без приглашения опустился на стул.

– Чаю? – предложил Абеле, но Иверс резко отмахнулся.

– Мне нужна карта. Шульц обещал ее мне, но ваша не в меру шустрая помощница ее перехватила.

Он не удостоил меня взглядом, но и презрения в его голосе хватало, чтобы понять: отношение Иверса ко мне оставляло желать лучшего. Что ж, взаимно.

– Вам следовало прийти к Шульцу раньше, доктор Иверс, – проворковала я, принимаясь за бутерброд.

– Сколько вы за нее хотите? – Иверс упорно продолжал игнорировать мое присутствие и обращался лишь к Абеле.

Тот задумчиво прищурился. Не спеша сделал глоток из чашки, потом второй, протянул руку к тарелке с печеньем...

Иверс ждал, ощетиниваясь с каждой секундой, и вскоре не выдержал:

– Ну?! Сколько? Назовите цену.

Абеле вздохнул и кротко произнес:

– Вы получите свою карту. Я не возьму с вас ни гроша, доктор Иверс. Взамен попрошу лишь пустяк.

На миг Иверс остолбенел, но тут же цинично усмехнулся. Он был тертый калач и знал правила игры.

– Сдается, этот пустяк мне дорого обойдется.

– Как посмотреть. Да, в определенном отношении этот пустяк бесценен…

– Не тяните резину, Молинаро. Выкладывайте!

– Хочу получить информацию. Расскажите, чем примечательна эта карта и что вы рассчитываете из нее извлечь.

Иверс заклокотал, как вулкан. На всякий случай я ближе придвинула к себе десертный нож. Но буйный профессор не шелохнулся и ответил полным достоинства голосом:

– Это мое дело, Молинаро. Откровенничать с вами не собираюсь. Назовите сумму и не суйте нос куда не просят.

– Значит, карта останется у меня. – Патрон хладнокровно обратился ко мне:

– Джемма, будь добра, проводи гостя, раз уж беседа зашла в тупик.

Иверс сжал кулаки и заскрипел зубами.

– …И если он станет упираться, кликни на помощь постового с дубинкой. Простите, профессор, но слава о вашем темпераменте заставляет нас идти на подобные меры.

Иверс страшно побагровел, потом побледнел, оскалил зубы и… раскатисто рассмеялся.

– А вы крепкий орешек, Молинаро. – Он придвинул стул ближе и вольготно расположился, устроив локти на столешнице. – Вы, кажется, хотели угостить меня чаем? Не откажусь. Позавтракать я не успел.

– Джемма, прошу. – Абеле не стал звать горничную, а подал мне знак угодить гостю.

Скрепя сердце я исполнила обязанности хозяйки. Хотя так и подмывало опрокинуть чашку с кипятком на профессорские брюки.

Спокойствие и безмятежность! Я сильнее Иверса, потому что мне нет до него дела. Я не застреваю в прошлом, не лелею ненависть, а живу себе дальше. Иверс к тому же капитулировал перед моим патроном, и я, верная ассистентка, разделяю его победу.

– Хорошо, Молинаро, вы все узнаете. Но только после клятвы, что сказанное не выйдет за пределы этого кабинета.

– Даю слово, – быстро ответил Молинаро. – Оно немалого стоит. Вы знаете мою репутацию, профессор.

Иверс кивнул и посмотрел на меня в упор, и от этого взгляда мне вновь захотелось его убить.

– Все, что вы скажете мне, должна услышать и Джемма, – торопливо добавил Абеле, угадав настрой Иверса. – Я всецело на нее полагаюсь. Вчера она перевела все надписи на этой карте.

Условие пришлось Иверсу не по вкусу, но он лишь презрительно скривил рот.

– Ладно, пусть остается. Раз она и так уже много знает.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Абеле мягко подбодрил:

– Крайне любопытно, почему вы, именитый профессор, сугубо рациональный человек, заинтересовались выдумками шарлатана Лилля, автора этой сомнительной карты.

– Знаете, почему я стал ученым, к чьему мнению прислушиваются? – парировал Иверс. – Потому что, в отличие от моих тупоголовых собратьев по науке, я готов рассмотреть любую гипотезу. Даже самую бредовую. Я не отмахиваюсь от нее, пока она не будет доказана или опровергнута.

– Похвальный подход, – кивнул Абеле. – И какую же завиральную гипотезу выдвинул Лилль?

– Вы знаете, кем был Одиссей Лилль.

– Да. Этнографом, который вольно обращался с фактами. Если он не находил нужную информацию, он ее выдумывал, чтобы заполнить пробелы. Особенно много сказок Лилль сочинил про историю Но-Амона.

– Именно! – громыхнул Иверс. – Итак, Но-Амон. Провинция Афара, южного континента, откуда некогда вышло человечество. Четыре тысячи лет назад афарская цивилизация достигла небывалых высот в науке, технике и архитектуре. Но потом пришли темные времена. Нынче Афар, как вы прекрасно знаете, – Иверс небрежно кивнул в мою сторону, – это нищета и развалины. Жители до сих пор кормятся былой славой Афара – грабят захоронения и продают то,

что находят, нещепетильным коллекционерам. Но-Амон, сердце Афара, теперь историческая помойка, где обитают нищие и бесчинствуют крысы.

Я опустила глаза и уставилась в чашку. Меня опалило обидой и гневом.

Я не любила Афар. Но меня бесило, когда другие отзывались о моей родине пренебрежительно. Увы, Иверс описал ее точно.

– В последние годы тайны Афара привлекли внимание археоисториков. Они делают немало, – заметил Абеле. – Мой племянник Максимилиан ведет дела с афарскими музеями и совершил несколько успешных экспедиций.

– Не только историки ломают головы над тайнами Афара. Инженеры тоже в недоумении. Как народам, которые едва вышли из каменного века и ступили в век бронзовый, удавалось возводить гигантские сооружения – ступенчатые пирамиды, колоссальные арки, башни выше гор? Как работали механизмы, чьи остатки мы находим? Ни один чертеж не сохранился, принципы действия афарских машин понять невозможно. За века грабители растащили их по винтикам, и мы довольствуемся лишь обломками.

– Существует множество гипотез, – Молинаро весело сверкнул глазами. – В том числе фантастических, которыми увлекаются шарлатаны, подобные Лиллю. Они объясняют величие цивилизации Афара тем, что к ней приложили руку пришельцы, боги и даже первобытные ящеры.

– Все чушь! – Иверс грохнул кулаком по столу так, что чашка подпрыгнула, выплеснув на скатерть коричневую лужицу.

– И что же, по-вашему, не чушь? – Абеле опасливо глянул на распалившегося Иверса и отодвинулся подальше.

– Природный источник эфирной энергии, которым владели древние афарцы.

Абеле не выдержал и рассмеялся – с риском для жизни, потому что Иверс сразу заиграл желваками и насупился, что не предвещало ничего хорошего.

А мой патрон все не унимался.

– Существование эфирного поля было доказано лишь пятьдесят лет назад, доктор, – терпеливо объяснил он, как ребенку. – Эта всепроникающая субстанция несет в себе некие идеи, образы вещей, которые обрели материальность в нашем мире. Все, что нас окружает, – вещественное воплощение этих образов. Десять процентов людей обладают Даром управлять эфирными волнами и менять законы природы своей волей. Раньше таких людей называли колдунами, теперь называют Одаренными… Джемма, например, имеет Дар искателя и хронолога. Она умеет находить спрятанное и довольно точно определять возраст вещей. Я всего лишь обладаю скромным Даром пиромансера…

Абеле, немного красуясь, щелкнул пальцами, и свечи в канделябре на стене вспыхнули.

Иверс сердито махнул рукой, и огоньки мигом погасли.

– Ваш Дар весьма своеобразен, доктор Иверс, – сказал Абеле с почтительной усмешкой.

Я навострила уши. Иверс – тоже Одаренный? Первый раз слышу. И в чем же заключается его Дар? Доводить всех до белого каления?

– Но правда в том, что мы, современные люди, знаем об эфирном поле не так уж много. Мы только начали изучать это явление и использовать его на благо общества. Утверждать, что древние афарцы могли управлять эфирными потоками и с их помощью возводить колоссальные сооружения – глупость несусветная! Даже современным Одаренным такое не под силу. Человеческие возможности ограничены. Люди слабы, их организмы не выдерживают манипуляций с мощными потоками энергии. Или вы все же верите, что древним афарцам помогали динозавры?

– Нет. Я считаю, что афарцы получили некий источник природной эфирной энергии. Он действовал как увеличительное стекло. Афарским жрецам нужно было лишь направлять проходящие сквозь него потоки. Так они творили чудеса. Любой в древнем Афаре мог стать

колдуном, не только Одаренный. И Одиссей Лилль нашел забытое святилище, где хранился тот артефакт. Карта показывает путь к нему.

Признаться, я слушала Иверса как завороженная.

Оратором он был великолепным – этого у него не отнимешь. Иверс говорил с такой страстью, что слушатели невольно верили каждому его слову и заражались его пылом. Он мог убедить аудиторию в чем угодно: что черное – это белое, что солнце вращается вокруг Земли и что мир покоится на трех китах. Но, к счастью, до сего момента профессор всегда строго следовал научному методу.

Что же с ним случилось? Почему его понесло в область легенд? Уж не получил ли он повреждений мозга в одной из драк с научным оппонентом?

То же, вероятно, решил и мой патрон. Потому что громко захохотал, утирая слезы. Но, заметив убийственный взгляд Иверса, осекся.

– Вы меня поражаете, доктор.

– Лилль совершил несколько экспедиций в Афар, – упрямо продолжил Иверс. – А потом пропал без вести. Не в экспедиции, нет. Однажды вечером Лилль вышел из дома в табачную лавку и не вернулся. Его таинственное исчезновение поразило всех. Торговец видел Лилля, продал ему десять коробок его любимых сигар, после чего этнограф вышел за дверь, скрылся в тумане… и пропал. Хотя до его дома было рукой подать – только улицу перейти. Но его больше никто и никогда не видел.

– Помню шумиху, что поднялась в газетах, – кивнул Абеле. – Некоторые считали, что Лилля поразило проклятие афарских жрецов, и его утащили демоны.

– Как только я узнал, что вдова Лилля распродает его имущество, навел справки и понял, что найду среди его бумаг кое-что важное.

– Но что заставляет вас верить, что карта – не плод воображения Лилля?

Иверс секунду колебался, но желание получить документ оказалось сильнее.

– Вот это.

Он вытащил из кармана бархатный мешочек. Развязал его, и на скатерть скользнул тусклый камень размером с абрикос. Камень был покрыт сколами и выглядел как обыкновенная галька, да еще и грязная.

– В какой луже вы его нашли? – спросил Абеле брезгливо.

– Смотрите, Молинаро.

Иверс двинул камень пальцем. Из окна на него упал луч, и камень вмиг стал прозрачным, внутри него вспыхнула искорка, а на скатерти заиграла радуга!

– Занятно! – изумился Абеле. Он быстро достал из кармана лупу, с которой не расставался. Наклонился, изучил камень и сказал с недоумением:

– Не могу понять, что за минерал. Не кварц, не хрусталь, не алмаз. Вы носили его к ювелиру?

– Незачем. Я и сам могу сказать, что подобного минерала ювелир не знает. Потому что этот камень был предположительно добыт в святилище, путь к которому и указывает карта Лилля.

– Как он к вам попал?

– Купил у одного афарского барыги, причем круглую сумму заплатил не за сам камень, а за его историю. Но это еще не все. Возьмите камень в руку! Ну же, смелее.

Абеле осторожно поднял камень и положил на ладонь. И вдруг ахнул. На его руке вспыхнуло яркое пламя!

С воплем Абеле уронил камень обратно на скатерть и затряс ладонью, а потом со стоном сунул руку прямо в кувшин с ледяной водой, и оттуда повалил пар.

– Что за глупые шутки, Иверс! – возмущался он, морщась от боли.

Настал черед Иверса смеяться.

– Расплата за неверие, Молинаро. Камень усилил ваш Дар пиромансера, и тот самопроявился.

– Но это невероятно, немыслимо!

– Все еще не верите? Экий вы упертый.

Иверс небрежно взял камень, подбросил его, поймал и опустил обратно в мешок. Ничего при этом не произошло.

– Этот осколок – часть древнего артефакта, за которым охотился Лилль. Получив карту, я смогу найти его и перевернуть науку с ног на голову.

Абеле вынул руку из кувшина, нахмурился и изучил покрасневшую ладонь.

– Что ж, ваш мотив понятен. Вы собрались организовать экспедицию?

– Именно так. Давайте карту. Вы получили, что хотели, – информацию. Я выложил вам все.

– Не так быстро, профессор!

Абеле шустро выхватил карту прямо из-под загребущих пальцев Иверса.

– Есть еще одно условие.

– Какое еще, к дьяволу, условие?! – взорвался Иверс. – Не испытывайте мое терпение, а то пожалеете. Вы меня тоже знаете, Молинаро.

– В экспедицию вместе с вами отправится представитель моей фирмы.

– Еще чего! – прорычал Иверс. – Я привык действовать один. Хотите забрать себе всю славу?

– Я тоже историк, доктор Иверс, но еще и бизнесмен. Славу забирайте себе, мне она не нужна. Но, как коллекционер и продавец древностей, я хочу получить свою долю артефактами, которые вы найдете. В древних храмах хранится много интересного. Золотые изделия и рукописи, керамика и скульптуры…

Профессор сформулировал свой категоричный отказ в таких выражениях, что даже у меня, далеко не деликатной барышни, вспыхнули уши.

– Доктор Иверс, вы разумный человек! – воскликнул Абеле. – Наш союз будет вам полезен. Во-первых, с моей помощью вы легко получите разрешение на исследования и раскопки. Во-вторых, мы разделим расходы на экспедицию. В-третьих, с вами отправится человек, досконально знающий Афар, имеющий опыт и Дар поиска захоронений.

Я одобрительно кивнула. Абеле собрался приставить к Иверсу своего племянника Максимилиана и его жену Аннет1[1]. Максимилиан – умный, ловкий мужчина, и собой хорош. А его жена обладает Даром хронолога и эфирного инженера, она прекрасно разбирается в древних механизмах.

– Деньги для экспедиции у меня есть, – отрезал Иверс. – Как и опыт жизни в Афаре. Разрешение на раскопки… да, тут могут возникнуть проблемы, но я готов дать взятки местным властям. Что за человека вы решили со мной отправить?

– Ее! – Абеле радостно махнул рукой в мою сторону.

– Нет! – одновременно вскрикнули мы с Иверсом и обменялись ненавидящими взглядами.

А потом накинулись на Абеле с двух сторон.

– Не желаю, чтобы у меня под ногами путалась авантюристка с языком ведьмы! – грохотал Иверс.

– Господин Молинаро, нечего мне делать в Афаре! – возмущалась я. – Мое место здесь, с вами! Да и просто не хочу!

– Ты моя помощница и должна выполнять мои поручения, – в голосе Абеле Молинаро я впервые услышала сталь и прикусила язык. – Иначе убирайся на все четыре стороны безо

[1] Абеле Молинаро, Максимилиан, Аннет – герои книги «Ассистентка антиквара и город механических диковин»

всякой рекомендации. Выбор за тобой. А вы, доктор Иверс, либо соглашаетесь, либо карта остается у меня, я отправлю в Афар моего племянника, а вы останетесь ни с чем. Закон на моей стороне. Если же вздумаете сунуться в Афар, натравлю на вас власти.

– Вот вы старый черт! – выругался Иверс сквозь зубы, но в его голосе промелькнуло уважение.

– Джемма, милая, не сердись, – обратился ко мне Абеле мягко. – Я верю, что поездка на родину пойдет тебе на пользу. Не упрямься и сделай, как я прошу.

«Прошу»? Просьбой тут и не пахнет. Манипуляции и шантаж чистой воды! Но таков Абеле Молинаро, и выхода у меня не было.

– Хорошо, – сказала я через силу. – Но мы с доктором Иверсом терпеть друг друга не можем. Мы перегрызем друг другу глотки в первый же день в экспедиции.

– Ненависть – это прекрасно! Сильный стимул делать свою работу быстро и хорошо. – Довольный Абеле щурился, как сытый кот. – А чтобы вам было легче ладить друг с другом, с вами также поедет Озия. Еще один мой помощник, мягкий и миролюбивый молодой человек. Вам все равно понадобится фотограф и художник.

Я застонала – да не мысленно, а вслух. Еще хотелось побиться лбом о стол, но тут я уже сдержалась.

Озия – достойный человек, не спорю, но заслуживает звания первоклассного зануды и пессимиста!

А вот Иверс его кандидатуру одобрил.

– А, Озия Турс! Знаю, встречал. Дотошный юноша, внимательный к деталям. Он сойдет.

– Вот и славно, вот и договорились!

Абеле азартно потер руки.

Иверс проворчал что-то неразборчивое, потянулся к карте, но Абеле опять опередил его. Схватил лист, сложил вчетверо и сунул в карман пиджака.

А потом погрозил профессору пальцем.

– Сначала заключим договор.

– Ладно, – буркнул Иверс и поднялся. – Подготовлю смету, планы и принесу вам завтра. Тогда же уладим детали.

– Вы не пожалеете, что судьба свела нас, профессор! – просиял Абеле.

Тот лишь недобро зыркнул на него, направляясь к двери.

– Постойте, Иверс! – вдруг окликнула я его, поскольку меня разбирало любопытство касательно одного маленького вопроса…

– Ну? – обернулся тот.

– Каким сверхъестественным Даром вы обладаете? Вы рассчитываете усилить его, отыскав древний источник?

– Не ваше дело, – огрызнулся Иверс.

– Мое, раз нам предстоит провести вместе пару месяцев.

– Ты не знала, Джемма? – хохотнул Абеле. – У профессора Иверса весьма редкий Дар! Людей с таким Даром охотно принимают в ряды полицейских и разведчиков. В юности профессора Иверса загребли в Академию секретных дел, и он отучился там год, но потом его исключили по причине буйного нрава.

– Да что это за Дар такой?

– Молинаро! – взревел Иверс.

Но мой патрон безмятежно продолжил:

– Доктор Иверс умеет гасить эфирные волны. Сам он не может ими управлять, но не дает другим Одаренным воспользоваться их способностями.

– А, понятно! – воскликнула я. – Он – прирожденный вредитель. Это все объясняет.

– Глушитель, – поправил Абеле. – Таких Одаренных называют глушителями.

Иверс молча повернулся и ушел, и дверью хлопнул за собой напоследок.

Абеле удовлетворенно захихикал.

– Вы не представляете, дорогой патрон, во что ввязались, – горько сказала я.

– Зато представляю, какую выгоду получу, если вы и вправду найдете что-то интересное в дебрях Афара. Выше нос, Джемма! Тебе предстоит приключение. Разве ты не соскучилась по родине?

– Ни капли.

– Неважно. За дело, Джемма! Начинаем подготовку к экспедиции века. Наши имена еще войдут в историю – клянусь своими вставными зубами!

Глава 3. Легендарные враги

Две недели спустя

– Вот наш маршрут, – профессор Иверс постучал карандашом по карте. – Садимся на пароход в Сен-Лютерне. Через два дня высаживаемся в Хефате. Нанимаем носильщиков и арендуем лошадей. Добираемся до ущелья, а там уже действуем по обстоятельствам. Ищем ориентиры, указанные на карте Лилля, и идем по ним до конечного пункта. Где бы он ни был.

– При всем уважении, доктор Иверс, я бы предложила другой план, – заговорила я сладко, сквозь стиснутые зубы. – До Афара лучше добраться поездом. Пусть мы потратим на дорогу больше времени, но сэкономим на билетах. И высадиться нужно не в Хефате, а в Седжете. Он дальше от ущелья, но дороги из него ведут более приличные.

Иверс скорчил мерзкую гримасу – в этом искусстве ему не было равных.

– Благодарю вас за ценное предложение, дорогая Джемма, – церемонно начал он и даже поклонился. – Однако вынужден его отвергнуть.

В его глазах явно читалось: «К дьяволу ваш бред собачий!»

– Умоляю, обоснуйте ваш отказ, – промурлыкала я. – Хотелось бы услышать весомые аргументы.

«Самоуверенный ты осел!» – добавила я мысленно.

Вот так мы и общались последние две недели, пока шла подготовка к экспедиции. Из кожи вон лезли, упражняясь в любезности, хотя каждого выворачивало от необходимости терпеть присутствие другого.

Поначалу я придумывала миллион отговорок, чтобы отвертеться от поручения Абеле. Пусть пошлет вместо меня племянника, другого сотрудника, да хоть кого!

Не всех мучит ностальгия по детству, не всех тянет вернуться на родину. Меня вот вовсе не тянуло вновь задыхаться от жары и пыли, пить грязную воду и ежесекундно бояться за свою жизнь.

Все, чего я желала, – существовать спокойно и комфортно. Иметь свою квартиру в столице, кабинетную работу, общаться с интеллигентными людьми. Я много трудилась, чтобы этого добиться. И вот она, награда!

Надо признать, я всячески пыталась оттянуть момент прибытия в Афар. Ведь меня там ждали не только обиженные родственники, но и кое-кто похуже. У меня там остались враги с долгой памятью. Мало будет радости столкнуться с ними на улицах Хефата.

А против парохода выступила еще и потому, что страдала от морской болезни. Но признаваться в этой слабости Иверсу не собиралась. Он и без того постоянно сетовал, что из-за наличия в экспедиции женщины ему придется двигаться медленнее, и заботиться о лишнем комфорте и все такое прочее.

Ха! Знал бы он, с каким дискомфортом мне приходилось мириться в детстве, когда мы с отцом неделями мотались по ущельям да развалинам!

У меня даже кисло во рту стало, когда я представила, что скоро придется опять погрузиться в бродяжью романтику. Стирать одежду в ледяном ручье, питаться консервами, расчесывать искусанную комарами кожу.

Да, я люблю комфорт. Я его обожаю! Да здравствуют блага цивилизации!

Но уж если поездки в Афар не избежать, то пусть хотя бы начало ее пройдет с удобствами. В уютном купе, а не на сырой, неустойчивой палубе парохода.

– Поезд не подходит по той причине, что придется пересекать три таможенных пункта, – продолжил Иверс. – Там придется объяснять цель поездки и показывать багаж. Могут возникнуть задержки – это раз. Слишком много людей окажутся в курсе – это два. Вынужден напомнить, что за картой Лилля охотятся и другие. Забыли, как на вас напали в переулке? И как

кто-то вломился в кабинет ночью? Жаль, эти мысли не посетили вашу черноволосую головку, Грез, и память у вас по-девичьи короткая, – закончил Иверс с издевательским сожалением.

Я так и вскипела и готова уже была выплюнуть уничижительную реплику об умственных способностях Иверса, но тут вмешался Абеле.

До сего момента мой патрон тихо сидел себе в углу, листал музейный каталог, но тут заговорил, чтобы предотвратить катастрофу.

– Иверс, у вас есть предположения, кто может охотиться за картой? Эти люди дали понять, что ни перед чем не остановятся.

– Не имею ни малейшего представления, – угрюмо сообщил Иверс. – Знаю лишь, что у меня полно завистников. И нечистоплотные конкуренты имеются. Именно поэтому я потребовал, чтобы цель нашей экспедиции осталась втайне от всех.

Да, подлинная цель была известна лишь мне, Абеле и Иверсу. Озию просветили в общих чертах и с картой не ознакомили. Для всех прочих – коллег, поставщиков, агентов, журналистов – мы отправлялись в Но-Амон изучать наскальные рисунки.

– Наверняка те же люди похитили Одиссея Лилля. Интересно, жив ли он? – заметил Абеле Молинаро. – В газетах высказывалось предположение, что за его исчезновением стоит не кто иной, как печально знаменитый Химерас, столикий преступник, мастер маскировки и темных делишек. И любитель древних секретов, заметьте.

– Химерас? Чепуха. Он – выдумка журналистов, – отмахнулся Иверс. – Я скорее поверю в проклятие афарских жрецов, чем в Химераса.

– Прошу прощения, но данная версия и мне представляется неправдоподобной, – смущенно заметил Озия. – Разумеется, это лишь мое скромное мнение, вам не обязательно к нему прислушиваться…

Покосившись на его удрученную физиономию в круглых очочках, я досадливо вздохнула.

Озия честный и трудолюбивый, но умеет вымотать душу. Без конца ноет и извиняется, поэтому все в его присутствии чувствуют себя неловко. Так и хочется порой взять его и хорошенько встряхнуть.

– Опасностей нам и без Химераса предстоит много, – безжалостно сказал Иверс. – Поэтому я бы предпочел видеть рядом выносливых и толковых спутников. Остальным в экспедиции делать нечего.

И он выразительно покосился в мою сторону.

– Это вы про меня, доктор Иверс? – Я вздернула подбородок. – Знаете, я ехать не напрашивалась. Но вот кто из нас бестолковый – еще вопрос.

– Вы ставите под сомнение мои решения, Грез. – Иверс направил на меня указательный палец. – Что говорит не в пользу вашей сообразительности.

– Разумная критика нужна всем, у кого хватает ума к ней прислушаться, – отрезала я, не на шутку закипая. – Но некоторым мужчинам гордыня заменяет мозги.

– И кто же эти некоторые мужчины? – подался вперед Иверс, уперевшись кулаками в стол. – Неужто вы обо мне?

Озия испуганно заморгал – наши перепалки приводили его в смятение.

А вот Абеле ими наслаждался.

– Любо-дорого послушать, как вы спорите, – воскликнул мой патрон с умилением. – Вы, Иверс, и ты, Джемма, напоминаете мне Тайсуна и Джа-Му, вечных мифических врагов-созидателей. Тебя ведь назвали в честь Джа-Му, не так ли, дорогая?

Я кивнула, все еще полыхая от возмущения.

– Кто такие Тайсун и Джа-му? – заинтересовался Озия. – Простите, в афарской мифологии я не силен. Я ведь больше по первобытным культурам…

– Герои легенды о создании мира, – буркнула я.

– Расскажи ему, Джемма, – велел Абеле. – Я тоже с удовольствием послушаю.

Я пожала плечами.

– Согласно поверьям древних афарцев первобытный Хаос исторг две божественные сущности: светлую творительницу Джа-Му и темного разрушителя Тайсуна.

– Э-э-э, постойте! – возмутился Иверс. – В той версии, что я знаю, все наоборот. Джа-Му Разрушительница и Тайсун Творитель.

– Так рассказывала моя бабушка, а ей я верю больше, – отрезала я. – Итак, Джа-Му дохнула, из ее дыхания родилось солнце. Тайсун топнул ногой, и под его стопой возникла земля. Земля поглотила солнце, наступила ночь, Джа-Му заплакала от разочарования, из ее слез родился Великий Океан. Увидев его, Джа-Му засмеялась от восторга, от ее смеха солнце восстало и принесло новый день.

– Как поэтично! – воскликнул Озия.

– Дальше пошло так: мир начал обретать форму, а Джа-Му и Тайсун стали врагами на веки вечные. Джа-Му создавала, а Тайсун разрушал. Насадит Джа-Му леса, а Тайсун нашлет на них пожар. Стоит Джа-Му проложить русло и пустить реку, как Тайсун устроит засуху или наводнение. Создаст Джа-Му ягненка, а Тайсун придумает зубастого волка.

– Экие затейники! – усмехнулся Абеле.

– Так и спорили они и противостояли друг другу, пока не сошлись в жестокой схватке. Бились яростно, в итоге мокрого места друг от друга не оставили… Джа-Му рассыпалась пеплом, а Тайсун пролился ливнем. Из этой грязи и зародились первые люди, Афар и Земара. А Джа-Му и Тайсун до сих пор сражаются, хотя и невидимые для человеческих глаз. Так и идет вечное противостояние двух начал, света и тьмы, Порядка и Хаоса.

– Восхитительно! – всплеснул руками Озия. – Классический, но в то же время оригинальный миф о сотворении мира.

– Ваша версия неправильная. Я знаю другую, – упорствовал Иверс. – Именно она изложена на глиняных табличках Эпохи Кремния.

– Ну и как она звучит? – спросила я воинственно.

– Неудивительно, что бабушка вам ее не рассказывала – она не для детских ушей. И в ней история Тайсуна и Джа-Му заканчивается так, как наша с вами история, Джемма, вряд ли закончится, – ответил Иверс с двусмысленной ухмылкой.

– Как знать, – хихикнул Абеле.

– Расскажите! – потребовала я, начиная терять терпение.

Но тут распахнулась дверь, и появление горничной положило конец культурологическому спору.

– К вам посетители. Господин Мидас Зильбер и госпожа Эвита Зильбер.

В комнату ворвался розово-белый вихрь, обдав меня ванильным ароматом, и оказался рыжеволосой девицей, одетой по последней моде.

– Габриэль, дорогой! – манерничая, она схватила Иверса за руку. – Куда ты пропал? Мы так редко видели тебя эти дни, что были вынуждены искать по всему городу!

Иверс выглядел неприятно удивленным. Он нахмурился, мускул на щеке дернулся… Но вдруг профессор расплылся в улыбке и нежно пожал ручку девицы.

– Эвита, прости, был очень занят.

О, боже! Я никогда не слышала, чтобы Иверс говорил таким тоном! Его низкий голос стал бархатистым, обволакивающим, а грубоватые манеры как по волшебству смягчились.

– Познакомь же меня со своими коллегами, – приказала девица, стрельнув глазами в сторону Абеле. Старый ловелас немедленно вскочил, пригладил волосы и оскалил фарфоровые зубы в обольстительной улыбке.

– Позвольте представить: Эвита Зильбер, моя невеста, – сказал Иверс и почему-то настороженно покосился в мою сторону.

Меня чуть не разорвало от удивления.

У Иверса! Невеста! Да еще вот такая – кривляка из высшего общества!

Воистину, мужское сердце – загадка.

***

Иверс представил нас невесте. Эвита обменялась кокетливыми репликами с Абеле и Озией. Мой патрон мигом растаял, Озия покраснел и засмущался.

– Рада познакомиться, госпожа Грез. – Эвита прохладно улыбнулась. – Много о вас наслышана от Габриэля.

Я тут же внутренне напряглась.

– Прекрасно выглядите, – продолжала она, окинув меня оценивающим взглядом. – Среди моих знакомых нет ученых барышень. Почему-то я думала, что архивисты все бледные. А вы вон какая… смуглая! Как закопченная.

– Я наполовину афарка. Родилась в Но-Амоне.

Эвита нравилась мне все меньше и меньше.

– Но-Амон – это где пирамиды, верблюды и песок? – Эвита наморщила свой породистый длинный нос. – И нищие! Много-много нищих, я помню, видела в кинохронике.

– Но-Амон – не только пески и нищета. Это еще и оливковые рощи, живописные горы, ущелья с бурными потоками и великолепные дворцы.

– Да-да, – бросила она безо всякого интереса.

– И богатая древняя культура. Неужели ваш жених вас не просветил?

Сама не знаю, с чего я вдруг кинулась защищать свою родину! Тон этой девицы ужасно меня задел.

– Что-то он такое говорил, – она обезоруживающе улыбнулась, а Иверс страдальчески свел брови.

– Прошу прощения, Абеле, что мы с дочерью явились к вам без приглашения, – вдруг прозвучал от двери уверенный бас. – Но доктора Иверса сложно застать дома в эти дни, а дочь очень хотела с ним увидеться. Да и я, признаться, тоже.

– Вы всегда желанный гость в моем доме, Мидас, – расплылся в улыбке Абеле и бросился пожимать гостю руку.

Я во все глаза уставилась на знаменитого богача, мецената и ученого Мидаса Зильбера. Дорогой костюм не скрывал широких плеч, но маскировал солидный живот. Держался Зильбер с достоинством, имел благородный профиль, тяжелый подбородок и снулые глаза. Его черные, зачесанные назад волосы посеребрила седина.

Его манеры были по-старомодному учтивыми, и в целом он располагал к себе.

Однако Озия даже съежился в его присутствии; он всегда робел перед теми, кто обладал силой и властью. Появление столь важного человека в гостиной произвело на него огромное впечатление.

Меня же кольнуло неприятное чувство. Ведь три года назад музей Зильбера отказался дать мне место. Хотя вины его основателя в том не было – вряд ли Мидас принимал решение о найме вчерашних выпускников.

Хуже было то, что Зильбер входил в круг друзей Иверса. Причем начали они знакомство со ссоры (обычное дело для Иверса), но позже прониклись друг к другу уважением. Зильбер часто приглашал профессора с лекциями в свой музей.

А теперь, оказывается, Иверс помолвлен с его дочерью!

– Присядем, – Абеле пригласил всех к столу. – Джемма, распорядись, чтобы горничная принесла чай.

Я повиновалась, и, когда помогала Эми передавать чашки, Зильбер улыбнулся мне и дружелюбно кивнул.

– Габриэль, я ужасно расстроена, что из-за подготовки к экспедиции ты редко появляешься в нашем доме! – громко заговорила Эвита. До чего неприятный у нее голос, словно пила визжит!

– Что поделать, – пожал плечами Иверс.

– Не возьму в толк, зачем тебе нужно ехать на край света, смотреть на какие-то дурацкие каменные рисунки, – продолжала она капризно.

У Иверса не дрогнул ни один мускул на лице.

– Потому что это интересно лично мне и важно для науки, – спокойно парировал он.

– Такие рисунки называются петроглифами, – влез в разговор Озия. Он явно хотел произвести на Эвиту впечатление. – Они много могут рассказать о пещерных людях, которые их нанесли, об их обычаях и жизни. В Но-Амоне есть наскальные изображения, посвященные культуре плодородия – символ предка-осеменителя с полагающимся ему атрибутом…

Озию понесло, и он уже не думал ни о чем, кроме науки. Сейчас как начнет описывать детали!

– Каким, говорите, атрибутом? – заинтересовалась Эвита. – Как он выглядит?

– Кхм-кхм! – грозно прокашлялся Мидас Зильбер, а я пнула Озию под столом.

– Ну… атрибут довольно большой, – Озия покраснел и прикусил язык. Если бы мог, убежал бы из комнаты от смущения.

– Габриэль, мне все же непонятно, почему ты решил изучать петроглифы каменной эпохи, – неторопливо заговорил Зильбер. – Раньше ты не проявлял к ним интереса.

– Я думаю, что они могут подтвердить некоторые мои гипотезы.

– Где именно в Но-Амоне вы собираетесь вести исследования?

– В северной части. Точно еще не решили.

Иверс мастерски скрывал подлинную цель и место экспедиции, но его краткие ответы не удовлетворили Зильбера.

– Хотелось бы больше знать о твоих планах, дорогой друг. Мы с дочерью о тебе беспокоимся. Места там дикие, опасные.

– Не стоит волноваться, Мидас. Через два месяца мы вернемся.

– Я не выдержу долгой разлуки! – пафосно заявила Эвита. – Габриэль, решено: еду с тобой.

Вот тут-то Иверс и перепугался! Даже закашлялся и пролил чай из чашки.

– Исключено. Таким девушкам, как ты, там делать нечего.

– Эвита, не выдумывай, – коротко приказал Зильбер.

– Но почему?! – упорствовала Эвита. – Я люблю ходить пешком и неплохо стреляю. Я желаю быть рядом с тобой. Она же едет! – Эвита небрежно кивнула в мою сторону.

– Госпожа Грез – моя коллега, ученый, и она родилась в Афаре, – твердо сказал Иверс. – Она будет работать и приносить пользу.

Ух ты! Иверс признал меня равной себе! Сейчас расплачусь от умиления.

– Считаешь меня бесполезной? – оскорбилась Эвита.

– Я не это имел в виду. Если ты будешь с нами, я буду беспокоиться о тебе ежеминутно, – вывернулся Иверс, хмурый, как осенняя туча.

– Оставь эту идею! – прикрикнул на дочь Зильбер. – Вот еще выдумала!

Эвита вздернула нос.

– Хорошо, Габриэль, – сказала она холодно. – Но ты плохо меня знаешь.

Я с интересом прислушивалась к их спору. Любопытно, как бы повел себя Иверс, если бы его невеста стала настаивать? Знавала я таких мужчин – высокомерные короли со всеми, раболепные холуи при своих супругах. Но, кажется, это не об Иверсе.

Неужели он влюблен в Эвиту? Влюбленным он не выглядит. Иверс как Иверс, высокомерный, резкий, разве что чуть менее грубоват.

Хоть убейте, не могу представить профессора влюбленным. Хотя мужчина он видный и похитил немало сердец студенток. Некоторые девушки обожают грубиянов и надеются превратить львов в пушистых зайчиков.

Вот только чтобы перевоспитать Иверса, нужен характер покрепче, чем у Эвиты. Да и перевоспитывать его бесполезно – можно лишь принять его таким, как он есть. Что за гранью моего понимания!

Я даже фыркнула, когда вдруг представила своим супругом Иверса. Я бы превратила его жизнь в ад! Но скучно мне бы не было.

– Что вас рассмешило, Джемма? – угрюмо поинтересовался он. – Чему улыбаетесь?

Я изумленно глянула на него. Неужели заметил?

– Да так, кое-что вспомнила… из студенческой жизни.

– А нам расскажете? – тут же подхватила Эвита, послав мне ядовитую улыбку.

– Пожалуй, нет, – покачала я головой.

– Нам пора, – поднялся Зильбер. – Габриэль, прошу, держи нас в курсе ваших перемещений. Вы, Абеле, выступаете спонсором, я правильно понял?

Тот улыбнулся и развел руками.

– Габриэль, тебе стоило обратиться ко мне, – упрекнул друга Мидас. – Если потребуются средства, не стесняйся.

– В этом нет нужды, – отмахнулся Иверс. – Я и сам не бедствую, Мидас.

– Госпожа Грез, я ведь помню, что вы желали работать в моем музее, – вдруг обратился ко мне Мидас. – Когда вернетесь, мы рассмотрим вашу кандидатуру. Нам нужны молодые, амбициозные специалисты. Только постарайтесь вернуться живой… и, пожалуйста, приглядите за моим другом. Вы производите впечатление разумной, приспособленной к жизни девушки. А Габриэль бывает порой слишком уж самоуверен, хоть и опытный путешественник, да и повидал немало.

И Мидас дружески похлопал меня по локтю.

Пораженная, я кивнула.

– Сделаю все, что в моих силах. Хотя доктору Иверсу никто не указ. Если что-то вобьет себе в голову, его не удержать.

– Уж постарайтесь. Только не переусердствуйте, – бросила мне Эвита, показательно чмокнула Иверса на прощание и удалилась.

После ухода гостей я выдержала паузу, затем молвила похоронным тоном:

– Поздравляю со скорым браком, доктор Иверс. Ваша невеста – само очарование. Когда же свадьба?

– Еще не решено, – буркнул профессор.

Абеле покачал головой. Кажется, он тоже сомневался в выборе Иверса. Но промолчал.

– Вы слышали, доктор Иверс? – не отставала я. Ну как удержаться? Ведь я уже целый час его не донимала! – Ваш будущий тесть попросил меня присмотреть за вами. Я глубоко уважаю господина Зильбера и намерена исполнить его поручение. Если понадобится, свяжу вас по рукам и ногам и закрою в палатке, лишь бы уберечь вашу буйную голову.

– Прежде я сам надену на вашу не менее буйную голову мешок и перекину вас через седло, как поступали ваши кочевые предки во время набегов.

– Сомневаюсь, что вы справитесь со мной.

– А вы не сомневайтесь. И лучше не испытывайте мое терпение, Грез. Мне в экспедиции не нужна искательница бед и приключений.

Озия опять решил вмешаться, чтобы не дать разгореться ссоре.

– Господин Зильбер упомянул, что нас ждут опасности, – начал он неуверенно. – Это действительно так? Есть шанс, что мы… ну… не вернемся?

– Озия, голубчик… – смущенно начал Абеле. – Сам понимаешь, любая экспедиция в дикие места – дело небезопасное. Но я тебе хорошо плачу за риск. И суть в том, что…

Он вздохнул и повернулся к Иверсу.

– Думаю, нам пора его посвятить…

– Да. Озия, наша цель – ущелье Карадонг. Мы пойдем дальше и будем искать проход, который приведет нас туда, где не ступала нога человека уже несколько тысячелетий. Мы будем искать древнее святилище. И да, это опасно. Поэтому если хотите отказаться – сделайте это сейчас.

Я мысленно возмутилась. Озии дали выбор, а мне нет! Несправедливо.

– Я согласен, – сказал Озия, хоть и побледнел. – Для моей научной работы мне нужен опыт полевых исследований. Я поеду с вами. Ну и кроме того… – Озия замялся. – лишние деньги не помешают.

– Вот храбрый юноша! – хлопнул его по плечу Абеле. – И расчетливый. Прекрасное сочетание! Что ж, не будем тратить времени. Его у нас осталось мало. Послезавтра вы отправляетесь.

– …И да поможет нам Гумари… – негромко сказал Иверс, а я автоматически закончила:

– ...смотритель Небесного Маяка, покровитель пропащих, заблудших, но неугомонных духом!

Глава 4. Дурные предзнаменования

Начало любого путешествия – знаменательный момент. Не зря с ним связана куча поверий.

Например, если в день отправления светит солнце, прохожие улыбаются, поезд не задерживается, а ты не спотыкаешься на пороге, то и путь тебя ждет удачный.

Нас же, судя по всему, ждали всевозможные несчастья, и лучше бы нам вообще не покидать дома.

Потому что, казалось, против нас ополчился весь мир. Словно все древние боги разом прокляли Иверса, когда он вздумал отправиться в экспедицию, чтобы разнюхать их секреты!

С утра зарядил проливной дождь. Но это еще полбеды. За завтраком выяснилось, что отправление парохода по какой-то причине перенесли на два часа раньше, а из агентства до нас не могли дозвониться, чтобы предупредить, – телефонная линия в доме Молинаро до сих пор работала с перебоями.

Когда мы узнали эту новость, поднялась суета. Благо, основной багаж отправили загодя, и мы ухитрились собраться без проволочек.

Но тут исчезли наши паспорта.

Иверс рвал и метал, рылся в сумках и осыпал меня упреками почем зря. Ну, положим, не зря, потому что именно я отвечала за документы. Однако точно помнила, что положила их в конверт, а конверт оставила на краю стола в кабинете, и не могла взять в толк, куда он подевался!

Пока мы бегали по дому и рылись в стопках бумаг – даже в саркофаг заглянули! – Ганимед насмешливо взирал на нас из-под стола, устроившись на полу в позе буханки.

Я чудом заметила край конверта, торчавший из-под мохнатого пуза. Ганимед обожал спать на бумагах, поэтому исхитрился смахнуть конверт на пол, чтобы устроить себе лежанку.

Думала, что Иверс отвесит Ганимеду пинка, но профессор осторожно взял кота на руки, пощекотал за ухом и ласково прорычал:

– Подлец хвостатый!

После чего аккуратно посадил кота на диван, а мне сухо бросил:

– Извините. Мне не стоило на вас набрасываться. Вашей вины не было. Но впредь будьте внимательнее.

На этом передряги не закончились. Когда мы выходили на улицу, чтобы поспешно сесть в таксомотор, Озия споткнулся о Ганимеда, упал и расквасил нос. Хуже приметы не придумаешь!

Иверс без лишних слов убрал кота с пути, сунул Озии платок и загнал в ожидающий автомобиль.

Который, едва отъехав от дома, умудрился пробить колесо.

В итоге до порта мы добрались за полчаса до отбытия, а я узнала от Иверса с дюжину новых затейливых ругательств.

Здесь нас ждал сюрприз. Иверс купил места на пароходе высшего класса. «Либерталия» напоминала огромный плавучий город и совсем не походила на ту ржавую калошу, что привезла меня в Сен-Лютерну восемь лет назад.

«Либерталия» стояла на рейде недалеко от устья, и при виде ее гигантских колес и труб перехватывало дыхание. Ну и громадина!

Кругом кипела портовая жизнь. Звенели цепи, тарахтели моторы лебедок, орали грузчики, смеялись пассажиры, волны бились о парапет. Пахло углем и бензином, духами и водорослями.

У меня закружилась голова, а сердце вдруг радостно трепыхнулось. Я расправила плечи и глотнула свежий ветер полной грудью.

– Хватит ворон ловить, Грез! – прервал мое оцепенение сердитый голос Иверса. – Нужно проверить, доставили ли багаж на борт в целости.

Пока я озиралась да соображала, он сам кинулся к портовому служащему и принялся его допрашивать. А потом и вовсе рванул к грузовому катеру, чтобы помочь рабочим перекинуть контейнеры с провиантом, оружием и инструментами.

Энергии Иверса хватило бы, чтобы и армию мертвецов на ноги поднять! Он успевал подбадривать грузчиков солеными словечками, распекать агентов и закидывать на тележки тяжелые ящики.

Профессор скинул пиджак, закатал рукава рубашки и играючи поднимал волосатыми ручищами здоровенные тюки.

Я невольно засмотрелась на него. На его загорелых предплечьях и шее вздулись жилы, волосы и борода потемнели от пота, мокрая рубашка прилипла к спине, обрисовывая рельеф мышц.

От него буквально дым валил, даже мне стало жарко, а дыхание участилось, словно это я только что пробежала по трапу с ящиком на плечах.

Абеле Молинаро меланхолично стоял рядом, время от времени выкрикивая:

– Осторожно, Иверс! Канат! Не оступитесь!

Других провожающих не было. Из-за переноса рейса невеста Иверса не успела к отплытию, но профессор как будто этому не особо огорчился. А я уж и подавно не переживала: наблюдать их прощальные объятия и поцелуи настроения не было.

Ночь накануне я провела бессонную, гадая, что принесет мне возвращение на родину. Родителей о приезде я не предупредила.

Письмами мы обменивались нечасто. Тон родительских посланий был ласков, но чувствовалась в нем обида. Когда мы виделись в последний раз два года назад – родители ненадолго приехали в Сен-Лютерну – встреча вышла несуразной. Мать рассказывала новости, расспрашивала, как живу, а отец все больше отмалчивался и отводил глаза.

А я стеснялась родителей. Стыдилась ярких афарских нарядов матери, ее акцента, развязных манер отца. Я не знала, о чем с ними говорить, и вздохнула с облегчением, когда они уехали.

Не забывала я и о врагах, что остались в Хефате. Однажды, когда я писала матери, осторожно расспросила ее о Муллиме. И узнала, что Муллима давно не видели; возможно, он завербовался наемником или сидит в тюрьме.

Надеюсь, его еще не выпустили.

– Отправляемся! – проорал Иверс и махнул рукой, показывая на катер-челнок, который должен был доставить нас на борт.

– Удачи, Джемма, – Абеле крепко сжал мою руку и потряс. – Не держи зла. Ты еще будешь благодарить меня за то, что я отправил тебя в эту поездку, – он лукаво улыбнулся.

– Если я из нее вернусь, – сухо ответила я, потому что все еще сердилась на своего патрона.

– Считай это отпуском, – он подмигнул. – Но бдительности не теряй. Впрочем, я в тебя верю, и в Габриэля тоже.

Продолжить разговор не получилось, потому что Иверс без церемоний схватил меня за руку и потащил по сходням.

– Почему все женщины такие нерасторопные и тянут до последней минуты?! – бушевал он.

– Почему мужчины повсюду находят грязь? – парировала я. – С чего вам вздумалось таскать мешки? Посмотрите, в кого вы превратились!

Иверс потерял свой лоск, его рубашка стала черной от пыли, а на руке краснела свежая ссадина.

Он лишь фыркнул и отвернулся, а я вдруг поняла причину его бурной деятельности: профессор тоже был возбужден и, пожалуй, нервничал не меньше моего.

***

На палубе кипело столпотворение. Часть пассажиров, не желая пропустить момент отплытия, устремилась к бортам. Другая часть направилась в каюты или бары, чтобы отпраздновать начало путешествия. Потоки людей сталкивались, закручивались в водовороты, кое-где даже вспыхивали перебранки.

Иверс бесцеремонно перехватил за шиворот замотанного стюарда и потребовал проводить нас в каюты.

Стюард вспыхнул от негодования при подобном обращении, но, оценив габариты Иверса и его решительный настрой, смирился.

Мы поспешили за ним вниз по трапу, и дальше – по тускло освещенному коридору, обитому зеленым бархатом.

Пол приятно пружинил под ногами, а я прислушивалась к своему организму, ожидая первых признаков морской болезни.

Ненавижу это состояние! Чувствуешь себя заплесневелой тряпкой, которую выворачивает и сжимает чья-то безжалостная рука.

Стюард галантно отобрал у меня саквояж, в который я упаковала все необходимое на два дня.

Озия сам тащил свой тяжелый чемодан, а также бережно прижимал к груди несессер-аптечку. Несчастный аспирант страдал десятком аллергий на самые неожиданные вещи и поэтому не расставался с медикаментами. Я глянула на Озию с сочувствием, впервые ощущая с ним некую общность, хотя здоровье у меня в целом отменное.

Иверс и вовсе обошелся потрепанным походным мешком. Элегантный стюард поглядывал на эту жалкую вещь с презрением.

– Ваши каюты. Если что-то понадобится, позвоните горничной, – сообщил стюард и, получив свободу и купюру за услуги, унесся прочь со всех ног.

Каюта Иверса располагалась слева от моей, каюта Озии – напротив.

– Надеюсь, здесь толстые стены и ваш храп не будет мешать, – не удержалась я от ехидного замечания. Я настолько привыкла пикироваться с Иверсом, что просто не могла начать разговор иначе.

– Еще посмотрим, кто громче храпит, – не остался в долгу Иверс. – Хотите посоревноваться? Победитель получит прищепку на нос, а проигравший – беруши.

– Заранее уступаю победу вам! – Я поскорей скрылась в каюте – впрочем, несколько взбодренная небольшой перепалкой.

Оказавшись внутри, оживилась еще больше.

Надо отдать Иверсу должное – устроил он нас роскошно. Каюта была тесной, но уютной, с настоящим круглым иллюминатором, желтыми занавесками и голубым ковром на полу.

Из такой комнаты и выходить не хочется. Когда пароход дал длинный гудок, застучал мотор, а пол слегка колыхнулся, я легла на кровать, готовясь встретить приступ тошноты.

Минуты текли, качка все не начиналась, по потолку прыгали зеленоватые блики, я чувствовала себя отлично, но скоро заскучала.

А тут и в дверь забарабанили:

– Грез! Выходите! Отметим начало экспедиции на палубе!

– Не хочу! – отозвалась я.

– Вашего желания никто и не спрашивает. Вы на работе. Сейчас я ваш начальник, и нам нужно обсудить планы.

– Чтоб вам на месте провалиться! – ругнулась я тихо, но при желании человек за дверью мог услышать.

– Я сказал – бегом наверх! – сердито проорали снаружи.

Пришлось подчиниться. Я накинула жакет и подхватила сумочку, где держала дамские мелочи – зеркальце, помаду и пудру. Раз уж поднимаюсь на палубу к пассажирам, нужно прихорошиться.

Пока шла за Иверсом по коридору, сверлила сердитым взглядом его спину.

Когда это он назначил себя начальником? При распределении ролей в экспедиции подобное не оговаривалось. Иверс – главное заинтересованное лицо. Я и Озия – наблюдатели. Рутинные обязанности – художника, картографа, повара – мы поделили поровну. Но Иверсу же нужно командовать, он без этого не может! Сколько экспедиций за его плечами? Десяток? У меня под сотню, и опыта достаточно, а то и больше, особенно в диких, необжитых местах.

И, кроме того, Абеле доверил хранить карту Лилля мне, а не Иверсу, и не разрешил ему снять копию. Я не расставалась с картой ни на минуту, надежно спрятав ее в укромное место. У кого карта – тот и главный, вот!

На палубе нас встретил радостный Озия.

– Нашел отличный столик, – он махнул рукой по направлению к корме. – Там нам никто не помешает.

И правда – уголок он отыскал уютный, без пассажиров. Их отпугивал грохот и вибрация моторов – здесь они ощущались сильнее, – а также толстые бухты канатов, через которые приходилось пробираться, чтобы устроиться на диванчиках за переборкой служебного помещения.

Зато вид отсюда открывался потрясающий.

«Либерталия» двигалась к югу по проливу параллельно берегу. На расстоянии полулиги, за изумрудным полотном воды, проплывали рыбачьи деревушки, летние резиденции богачей, холмы и зеленые рощи, уже тронутые осенним золотом.

Небо расчистилось, оранжевое солнце опускалось к горизонту, негромко играл патефон в палубном баре.

Иверс заметил, как я опасливо слежу за бегом белых барашков на волнах – ветер крепчал.

– Не переживайте, Грез, качки не будет, – буркнул он, доставая карты и блокнот. – «Либерталия» оснащена стабилизаторами. Но если страдаете от морской болезни – вот, возьмите.

И он положил на стол бумажный пакетик, в котором обнаружилось нечто коричневое и сморщенное.

– Корень имбиря, – пояснил он. – Первое средство при укачивании. Захватил на всякий случай, вдруг вам понадобится.

– Спасибо, мне ни к чему, – ошеломленно ответила я. Вот так предусмотрительность! – Озия, тебе не нужно?

Аспирант выглядел бледновато.

– Этой напасти я не подвержен, – он помотал головой. – А для других у меня с собой аптечка. Вот, не угодно ли патентованных пилюль от аллергии?

Иверс забрал пакет с имбирем и сунул себе в карман. Ему-то это средство точно не понадобится – было сразу понятно, что в море он чувствует себя как дома. Не представляю, что может свалить с ног профессора Иверса. Тело, наделенное столь буйным нравом, наверняка обладает бычьим здоровьем, иначе оно бы долго не протянуло.

– Приветственный напиток от пароходной компании, – скороговоркой пробормотал за плечом мужской голос, и рука в белой перчатке поставила на стол бутылку вина и три бокала.

После чего стюард поспешно ушел, а я с подозрением глянула ему вслед. Что-то в его манерах меня кольнуло… но что именно – не понять. Его лица я не рассмотрела, успела лишь увидеть, что стюард был чисто выбрит, волосы черные, ежиком.

– Ого! – обрадовался Иверс. – Не знал, что вино входит в стоимость билета.

– Вы еще и алкоголик? – спросила я с подозрением.

– Нет. Не надейтесь, что я стану вашим собутыльником. В экспедиции у нас будет сухой закон. Но отпраздновать начало дозволяется.

Озия обрадовался подарку не меньше профессора и услужливо разлил вино по бокалам.

– За удачу! – провозгласил Иверс, но тут же отставил бокал и взял в руки блокнот.

Я последовала его примеру: хотелось сохранить голову ясной. Озия же наслаждался вином вовсю. Не часто бедному аспиранту доводилось угощаться изысканными напитками. О высоком статусе вина говорила черная этикетка с солидной золотой надписью.

И верно, хорошая пароходная компания, раз балует пассажиров подобными подарками. Надо будет и впредь пользоваться ее услугами – как только они станут мне по карману.

– Наши планы изменились, – заявил Иверс, перелистывая блокнот. – В Хефате мы задержимся не на день, а на три. Нужно подождать, когда к нам присоединится наш проводник, Аджиб. Кроме того, мы наймем в Хефате рабочих.

– Кто такой этот Аджиб? Почему я о нем впервые слышу? – возмутилась я. – А рабочих лучше нанимать не в Хефате, а в деревушке возле ущелья. Запросят они меньше, да и доставлять их до места не придется.

Новость о задержке в Хефате меня расстроила. Чем дольше я пробуду в городе моего детства, тем выше шанс натолкнуться на старого врага. Да и не хотелось тревожить воспоминания – как дурные, так и хорошие.

– Аджиб – надежный молодой человек, он из кочевников, знает места вблизи ущелья. Без его помощи нам не обойтись. Его отец мне должен – когда-то я спас его жизнь. Поэтому я рассчитываю на его преданность и умение держать язык за зубами. Аджиб пойдет с нами до конца. Все уже решено, Грез, не сотрясайте воздух попусту.

– Вам следовало посоветоваться со мной, Иверс!

– С какой стати?

– С такой, что я ваш партнер в этом предприятии.

– Не обольщайтесь, Грез. Ну и самомнение у вас! Я приказываю, вы исполняете. Вот так будут обстоять дела, и никак иначе.

С этими словами Иверс внушительно грохнул кулаком по столу.

Ну, стучать кулаками я тоже умею!

– Черта с два! – Я с размаху шлепнула ладонью по столешнице так, что удар отозвался болью в запястье.

Бутылка и бокалы подпрыгнули и чуть не опрокинулись, Озия торопливо подхватил их.

Парень сжался и смотрел на нас испуганными глазами, как ребенок, который вынужден присутствовать при перебранке родителей.

Но не Озия занимал меня в тот момент.

– У меня не меньше опыта, чем у вас, Иверс, – заявила я твердо. – Мой работодатель оказал вам услугу, позволив воспользоваться картой. Я имею право оспаривать ваши решения и предлагать свои.

– Вас мне навязали, Грез, и пока я не слышал от вас ни одного разумного решения. Поэтому ваше дело – слушаться и исполнять, – лениво протянул Иверс, но его глаза сверкнули так опасно, что меня невольно пробрал трепет.

Иверс из тех мужчин, кого гнев красит. Когда он погружался в свою стихию – то есть бранился, неистовствовал, скрипел зубами и бросался в драку – он казался мне похожим на Гильмелькара, древнего царя-дикаря, который голыми руками мог завалить быка и разорвать

пасть льву. Так же воинственно торчала его острая борода, так же обнажались крупные белые зубы, а тело подавалось вперед с первобытной хищной силой.

В такие моменты я невольно любовалась Иверсом – и в то же время мечтала пинком повергнуть его в грязь. Он с пренебрежением отмахивался от меня, усомнился в моем опыте, и я с наслаждением предвкушала, как поставлю его на место. Победить сильного врага всегда приятнее, чем слабого.

Однако слишком уж я увлеклась. Не стоит Иверс того. Я глубоко вздохнула и приказала себе остыть.

– Вам стоит слушать внимательнее, и не только себя, но и других. Я не меньше вашего хочу, чтобы наша экспедиция закончилась благополучно и как можно скорее. Жду не дождусь, когда мы вернемся домой!

Иверс вдруг успокоился, откинулся на спинку и сложил руки на груди.

– Почему, Джемма? – спросил он с любопытством. – Почему вы так настроены? Давайте, вываливайте: что вам не по нутру?

– Я, пожалуй, пойду, – проблеял Озия, страдая от бури наших эмоций, которые так и кипели. – Кажется, мне нужно отдохнуть.

Он поднялся, так и не выпустив бутылку, и побрел прочь, сильно пошатываясь.

– По-моему, парень захмелел, – с сочувствием сказал Иверс.

– Надо его проводить. – Я вскочила, чтобы больше ни минуты не оставаться рядом с профессором, но тот схватил меня за запястье и удержал.

– Озия сам дойдет. Ничего с ним не сделается. Джемма, постойте. Я жду объяснений. Что вам не нравится?

– Все! – с чувством выпалила я прямо Иверсу в лицо, поскольку он тоже поднялся.

– А конкретнее?

– Мне не нравится эта затея в целом, – отчеканила я. – Я считаю ее глупой и опасной. По вашей милости я вынуждена терять два месяца впустую и делать то, чего не хочу.

– Продолжайте, – кивнул Иверс.

– И мне не нравитесь вы, доктор Иверс. Уверена, для вас это не новость.

– Вы настолько злопамятная? – допытывался Иверс. – Не можете простить мне то, что три года назад я дал вашей бездарной работе низкую оценку? Сами-то вы к критике умеете прислушиваться?

– Дело не в критике, а в отношении, Иверс! И ваша так называемая критика чуть не сломала мне жизнь.

– Ну, в конце концов вы недурно устроились, Грез. Вы меня еще благодарить должны. Но для начала неплохо бы вам извиниться за оскорбления, которыми вы меня тогда осыпали.

– Скорее солнце и луна поцелуются в небе, доктор Иверс.

Я вырвала руку и отступила на шаг, осознав, что все это время мы стояли очень близко – чуть носами не соприкасались.

– Вы не думаете о чувствах других людей, а себя считаете умнее всех.

– Но это признанный факт. Я умнее многих, Грез. И я не трачу время на дураков и негодяев. Они мешают, поэтому я избавляюсь от них без жалости. Сбрасываю, как балласт.

– Как когда-то избавились от меня?

Иверс прищурился.

– Тогда вы не сделали ничего, чтобы заслужить мое уважение, Грез.

Меня сильно задели эти слова. Вот так Иверс прямо дал понять, что я для него – пустое место.

– Что ж, профессор, взаимно. Мне нет дела до ваших регалий и славы. Я вижу лишь неприятного мне человека, чью компанию я вынуждена терпеть. Воспитание велит мне сохранять дружелюбие эти два месяца. Но я не обязана делать это прямо сейчас.

Решив, что это хорошая финальная реплика, я взяла сумочку со стола, отвернулась и пошла прочь.

– Стойте! Мы еще не закончили! – проорал Иверс. – Лучше бы нам высказаться раз и навсегда!

Я не остановилась, но шаг не ускорила. Втайне надеялась, что Иверс бросится меня догонять. Ведь если он побежит за мной и продолжит спорить, это значит, что Иверсу все-таки небезразличны мое мнение и чувства.

Но, увы, он и не подумал меня остановить.

– Ну и черт с вами! – донеслось до меня сердитое.

Глава 5. Ловушка в трюме

Меня потряхивало после стычки, поэтому в свою каюту я не пошла, а отправилась в салон для пассажиров, где кипело веселье, звенели бокалы и играла музыка.

Заняла место в углу и заказала мятного чаю, чтобы успокоиться. Я все еще негодовала, барабанила пальцами по столу, сердито фыркала, но порой злорадно улыбалась, вспоминая обескураженное лицо Иверса.

Вот так-то, дорогой профессор, не все готовы терпеть ваш буйный нрав или трепетно вздыхать, когда вы мечете громы и молнии. Я еще научу вас хорошим манерам!

Скоро за мой столик подсел первый помощник капитана, начав с любезного: «Будет ли мне позволено составить компанию прекрасной пассажирке?»

Я благосклонно глянула на его статную фигуру в парадном мундире, лихо подкрученные усы и разрешила присесть.

Первый помощник принялся с ходу очаровывать меня байками о морских приключениях, но его хвастливые рассказы и приторные комплименты скоро наскучили, и, улучив момент, я сбежала без извинений. Час уже наступил поздний, палуба опустела, море потемнело, на носу загорелись сигнальные фонари.

Поднялся ветер, гнал высокие волны, и пароход, несмотря на стабилизаторы, все же ощутимо покачивало. Пока морская болезнь не давала о себе знать, но лучше не испытывать судьбу.

Я направилась к своей каюте, и тут из теней в нише коридора ко мне обратился стюард:

– Госпожа Грез, вам записка.

Он угодливо поклонился и протянул сложенный кусок бумаги. После чего поспешно отступил и исчез, как по волшебству.

Я развернула записку и хмыкнула, узнав ее автора.

У Иверса характерный почерк – с наклоном не вправо, а влево. Во всем-то профессор стремится действовать наперекор!

Строки были неровные – надо думать, Иверс писал в спешке, на качающейся палубе.

Содержание вызывало множество вопросов.

«Джемма, мне есть что сказать вам наедине. Готов взять свои слова назад. И сообщить еще кое-что важное касательно нашей цели. Не для чужих ушей. В каютах стены тонкие. Жду вас на палубе “дельта” возле гидранта номер пять. Док. Г.И.»

Ух ты! Неужто доктор Иверс готов извиниться? Понятно, почему он выбрал для этого знаменательного события безлюдное место. Не хочет, чтобы кто-то видел, как он унижается. Ну-ну!

И все же в моей груди вспыхнули искры удовлетворения и чисто женского тщеславия.

Может, не стоит идти? Пусть помается возле гидранта, подумает!

Ну нет, я не какая-то там жестокосердная дамочка, которая заставляет мужчину ждать впустую, особенно если он первым сделал шаг к примирению.

Доктор Иверс в целом разумно предложил «высказаться раз и навсегда». Откровенный разговор поможет нам смириться с компанией друг друга в этом путешествии, будь оно неладно…

Да и хочется послушать, какие слова выберет именитый профессор, чтобы признать свою неправоту. Возможно, впервые в жизни. И что же такое он имеет сообщить «касательно нашей цели»?

Сверившись с планом на стене, я спустилась по трапу, пока не вышла на нужную палубу в недрах судна.

Тут мое изумление возросло стократ. Ну и место выбрал Иверс для свидания!

Впереди тянулся голый, тускло освещенный коридор. Никаких ковров и картин; лишь металлический пол, алюминиевая обшивка да редкие лампочки. Пассажиры здесь не обитали, но располагались технические помещения. За переборкой рокотали и ухали моторы, пахло машинным маслом.

Следуя указателям, я достигла дальней части коридора, никого не встретив, и нашла гидрант номер пять в темном пыльном закутке. Даже члены команды редко посещали это унылое место. Как доктор Иверс умудрился его разыскать?

Тут-то и кольнули первые нехорошие подозрения.

Но какие? Этого я не могла пока сформулировать. Что-то было тут не так, и все.

– Доктор Иверс! – негромко позвала я, но голос утонул в шуме мотора и потерялся в бесконечном коридоре.

Стало тревожно, даже волосы на загривке поднялись дыбом. Захотелось убраться прочь как можно скорее, и я не стала больше ждать, а опрометью выскочила из закутка.

Далеко уйти не успела. В этот миг лампочка погасла, а меня крепко схватили, прижав руки к телу, и приподняли в воздух.

В первый миг я даже не испугалась – только пискнула, онемев от шока, ничего не соображая.

Мозолистая ладонь плотно запечатала мне рот и нос, я едва могла дышать. И вот тут-то паника затопила меня с головой, я начала брыкаться и пинаться и даже попала каблуком по чьему-то колену.

В ответ меня сильно встряхнули. Напавший тяжело дышал в ухо, а вторая пара рук – негодяев было двое! – споро меня обыскивала.

Затрещали пуговицы и швы, грубые пальцы залезли в карманы жакета, охлопали грудь, бока, бедра…

Я исхитрилась и что было силы укусила мерзкую ладонь. Под зубами противно хрустнули сухожилия, негодяй охнул и отдернул руку. Тут уж я времени терять не стала – завопила что было мочи, хотя со сдавленными легкими это было непросто!

– Уходим! – буркнул второй. Меня небрежно швырнули на пол, локоть и бок взорвались болью. В темноте прогремели удаляющиеся шаги.

Опершись переборку, я поднялась, нашарила и повернула рубильник. Лампочка озарила пустой коридор.

Я осмотрела и ощупала себя, убедившись, что пострадала не сильно. Подумаешь, жакет порвали да пару синяков поставили! Зато жива.

Огляделась – ни следа сумочки. Меня хотели ограбить, и для этого заманили в темный коридор? Кто, зачем? Я далеко не самая богатая пассажирка. Но негодяи даже состряпали записку, подделав почерк Иверса (откуда он им знаком?), и подкупили стюарда! Нужно срочно известить капитана, пусть примет меры. Тоже мне, пароход первого класса!

По коридору шла быстро, но осторожно, постоянно оглядывалась и прислушивалась – не хватало вновь натолкнуться на бандитов! И только благодаря этому различила странные звуки. Они доносились из темного прохода, который перпендикулярно вливался в коридор.

Там глухо ругался мужчина, время от времени его ругань перемежалась сильными ударами и грохотом. И голос этот определенно принадлежал доктору Иверсу! Его затейливые речевые обороты я узнаю где угодно.

Проход оказался тупичком с одной-единственной дверью, на которой висела табличка «Тросы и цепи». Дверь дрожала от ударов – в нее бились изнутри. Задвижка прыгала и трещала, скобы уже наполовину отвалились.

– Доктор Иверс! – крикнула я. – Вы там?

На миг наступила тишина, а потом Иверс проревел:

– Кто ж еще! Откройте дверь, Джемма!

– Сейчас!

Я засуетилась, осмотрела и ощупала замок.

– Заперто на ключ! Сбегаю за подмогой. Ждите!

– Черта с два! Отойдите. Быстро!

Изнутри словно тараном грохнули, и запор не выдержал. Дверь распахнулась, и в закуток вылетел изрядно помятый и невероятно взбешенный доктор Иверс.

Он отдышался, выпрямился и уставился на меня. Встревоженные глаза профессора мигом отметили и порванный жакет, и мой помятый вид.

Сообразительности Иверсу было не занимать, он сразу сложил два и два.

– Вас тоже заманили в ловушку? Сильно пострадали? Как вы выкрутились?

– Да, заманили. Я в порядке. Выкрутилась чудом.

Хорошо, когда человек понимает тебя без слов – пускаться в подробные объяснения у меня не нашлось сил.

Однако, хорошенько разглядев Иверса, я всплеснула руками и едва удержалась, чтобы не запричитать жалостливо. Но лишь сказала:

– Вам досталось больше. Слушайте, вас же избили! У вас кровь на лице.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Больше пострадало мое самолюбие. Провели, как идиота! Как я мог поверить, что вы решите…

Он осекся.

– Вам тоже передали записку? – догадалась я. – От моего имени? И что в ней было написано?

– Неважно. – Иверс моргнул и отвел взгляд. – Куда важней вопрос – кто и зачем. Впрочем, «зачем» – понятно. Меня застали врасплох. Я дожидался вас, как олух, когда на меня напали сзади, скрутили, затащили в подсобку и обыскали. Уверен, им нужна была карта Лилля!

Он схватил меня за плечи и страстно спросил:

– Вас тоже обыскивали? Вы оставили карту в каюте или носили в кармане? Они ее забрали?!

– Тихо, тихо! – Я легонько ткнула профессора кулаком в живот, чтобы остудить. – Карту я ношу при себе, меня обыскали, забрали сумку, но карту не нашли. Я хорошо ее спрятала.

– Где она?!

– Тут. – Я показала себе на грудь. – Сунула в корсаж сорочки, куда же еще! Бандиты не успели до нее добраться.

– Дайте ее сюда!

Рука Иверса вцепилась мне в блузку. Нет, он точно не в себе!

– С ума сошли?! Вы что себе позволяете!

Его пальцы смяли ткань ворота, затрещали пуговицы, и Иверс опомнился.

Он застыл со смущенной гримасой на лице, потом осторожно убрал руку и отступил на шаг.

– Так-то лучше, – я запахнула жакет. – Вы ведете себя как дикарь, доктор Иверс. Вас, наверное, по голове били? Иначе такие выходки объяснить не могу.

– Простите, – сказал он деревянным голосом. – Что-то я переволновался.

– За меня или за карту? – Я махнула рукой. – Не отвечайте. Знаю, что судьба карты вас тревожит больше.

– Отнюдь. – Он помотал головой. – Провожу вас в лазарет. Вы выглядите бодрой, но все-таки пусть доктор вас осмотрит. Сам отправлюсь к капитану и потребую найти и задержать подлецов. Уж я вытрясу из них правду – кто их нанял и зачем.

– От одного из тех негодяев несло анисовым табаком. Я узнала запах. Бандиты в переулке, помните? Усатый тип жевал анисовый табак. Потом пытался ограбить Абеле. Теперь он

притворился стюардом, принес нам вино, а потом подсунул записки. Он сбрил усы и бакенбарды и прятал лицо, поэтому я его не сразу узнала.

– Выходит, за нами следили все это время. Мерзкое дело, Грез! – нахмурился Иверс. – Пойдемте. Нельзя терять ни минуты. Слышите, двигатели сбавляют ход? Вот-вот пароход сделает краткую стоянку в Фаракии. Здесь «Либерталия» возьмет остальных пассажиров – но и наши молодчики получат возможность улизнуть на берег.

Он протянул руку:

– Обопритесь на меня, Грез. Вы прихрамываете. Зачем соврали, что вам серьезно не досталось? Вот что – я вас понесу.

И он с самым решительным видом вознамерился подхватить меня на руки.

– Не валяйте дурака, Иверс! – испугалась я. – О себе лучше позаботьтесь. Если рухнете, я вас не дотащу. Придется бежать за подмогой, а одного вас в этих трюмных лабиринтах оставлять не хотелось бы.

– Как мило, что вы обо мне беспокоитесь! С чего бы это?

Подбадривая себя препирательствами, мы быстро добрались наверх.

Но все же опоздали: «Либерталия» уже пришвартовалась. Несмотря на глухую ночь, на палубе стало людно. Поднимались новые пассажиры, члены экипажа бегали туда-сюда, занятые своими обязанностями, и найти капитана оказалось сложно.

Я остановилась, пораженная внезапной мыслью, и схватила Иверса за рукав:

– Озия! Нужно проверить, что с ним! А вдруг и он пал жертвой бандитов? Они не знали, у кого карта!

Мы бросились в каюту Озии.

На стук никто не откликнулся, и мое сердце зашлось от тревоги.

– Дьявол! – выругался Иверс и рванул ручку. Незапертая дверь бесшумно скользнула вбок.

Столкнувшись плечами в проходе, мы ввалились внутрь.

Каюту освещал ночник, и при его слабом свете стало ясно, что здесь побывали незваные гости. На ковре стоял распотрошенный саквояж, одежда Озии валялась где попало, а сам он лежал на кровати, укрытый до макушки, и даже не пошевелился, хотя шум мы произвели изрядный.

– О боже! – выдохнула я, не находя в себе сил подойти – я опасалась обнаружить на кровати труп.

Иверс же без колебаний сдернул одеяло и перевернул бесчувственного Озию на спину.

Тот не открыл глаз, но издал длинный, переливчатый храп.

– Спит! – изумилась я и потрясла его за плечо. – Озия! Вставай!

Никакой реакции.

– Озия! – я потрясла его сильнее, но в ответ парень лишь сладко замычал и почмокал губами.

Иверс погремел чем-то за моей спиной и через миг на Озию обрушился водопад.

Иверс отбросил кувшин в сторону, поднял Озию за плечи и больно ущипнул за нос.

– Ма-ма… – промычал Озия. – Не… не надо. Можно, я не пойду сегодня в школу?

– Это не нормальный сон, – сказал Иверс. – Парня чем-то одурманили. Все это время он спал, как убитый, и не слышал, что его каюту обшарили. Руку даю на отсечение – в наших каютах мы найдем тот же бардак. Сволочи все предусмотрели, кроме того, что мы с вами не стали пить вино, которое поднес нам тот услужливый стюард.

– Я тоже подумала, что снотворное было в вине, – кивнула я. – Заметьте, бутылки в каюте нет, а ведь Озия забрал ее с собой. Они замели следы.

– Что случилось? – Озия наконец разлепил глаза; взгляд у него был дурной и расфокусированный. – Джемма? Доктор Иверс? Вы тут зачем? Я что-то пропустил?

– Ничего важного, – сказала я. – Но ты больше не засыпай, голубчик.

– Боже, как трещит голова… – промямлил Озия, потирая виски.

– Сейчас велю принести тебе крепкого чаю – нужно вымыть остатки отравы.

– Побудьте с ним, Джемма, – Иверс поднялся. – Пойду к капитану и попробую найти того стюарда и его сообщника. Хотя они наверняка успели смыться на берег. Отличное начало экспедиции, черт побери! Но если наш преследователь думает, что сможет меня остановить – пусть выкусит. Теперь-то я еще больше уверен, что иду по следу важного открытия!

– Странный вывод, – заметила я скептически. – Я вот, напротив, уверилась, что ваша теория о затерянном святилище – безумие. Потому что привлекает полных безумцев!

– Великие открытия порой сводят людей с ума, – подтвердил Иверс. – Поэтому нам, здравомыслящим людям, приходится вдвойне сложней. Однако не на того напали. Уж если Габриэль Иверс за что-то взялся, он дойдет до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.